

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА, ТЕАТР И ИСКУССТВО

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

ик

**НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА**

Языки и литература, театр и искусство

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

30 июня 2017 г.

www.scipro.ru
Москва, 2017

УДК 81
ББК 81

Главный редактор: Н.А. Краснова
Технические редакторы: Ю.С. Андреева

Языки и литература, театр и искусство: сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции, 30 июня 2017 г. Москва: НОО «Профессиональная наука», 2017. 160 с.

ISBN 978-1-370-90704-5

В сборнике научных трудов рассматриваются актуальные вопросы языкознания, переводоведения, литературоведения, искусствоведения, культуры по материалам I Международной научно-практической конференции **«Языки и литература, театр и искусство»** (30 июня 2017 г.).

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все включенные в сборник статьи прошли научное рецензирование и опубликованы в том виде, в котором они были представлены авторами. За содержание статей ответственность несут авторы.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – **РИНЦ** по договору No 2819-10/2015К от 14.10.2015 г.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте www.scipro.ru.

УДК 81
ББК 81

- © Редактор Н.А. Краснова, 2017
- © Коллектив авторов, 2017
- © НОО Профессиональная наука, 2017
- © Smashwords, Inc., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. РУССКИЙ ЯЗЫК.....	6
Leun E.V. The origin of the name Moscow. Analysis of the causes of its rise and transformation into the capital of Russia	6
Василевская Ю.А. К вопросу об особенностях перевода безналичных конструкций (на материале поэтических текстов Р.Бородулина).....	24
Кувшинникова О.А. Принципы изображения растительного мира в цикле очерков Б.В. Щербакова «Старое подворье»	33
Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Человек на войне: эволюция мировосприятия (на материале частных писем Т.В. Антипина)	42
Малышева М.К. К вопросу о словообразовании этимологических наречий	65
СЕКЦИЯ 2. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	76
Попова М.Д. Язык и традиции эвенков	76
СЕКЦИЯ 3. ГЕРМАНСКИЙ ЯЗЫКИ	82
Алатырцева Л.В. Проявление уклончивости в коммуникативном поведении в современном немецком языке.....	82
Корбмахер Т.В. Понятие кулинарного рецепта в русском и немецком языках.....	86
Колесникова Е.Е. Особенности проведения фреймового анализа для выявления когнитивных основ формирования новых значений абстрактных существительных	93
СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ.....	105
Гейм Е.А. Фразеологизмы с компонентом «mano» («рука») в итальянском языке	105
Назарец Д.К. Языковые особенности онимов в комиксе «Астерикс на Олимпийских играх»	112
Шаповалова Е.О. Специфика функционирования авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными на материале французской прессы	120
СЕКЦИЯ 5. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА	126
Долженков В.Н. Интерпретация, как значимое свойство восприятия и понимания	126
СЕКЦИЯ 6. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	131
Меринова Е.Р. Обозначение мимических признаков обмана при верификации	

поведения, выдающего скрытые и фальсифицированные эмоции, в лексической системе русского, английского и немецкого языков (на материале книги П.Экмана «Психология лжи. Обмани меня, если сможешь») 131

СЕКЦИЯ 7. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ 137

Мещерова Н.Л. Практическая транскрипция имен собственных при переводе с бразильского варианта португальского языка на русский 137

СЕКЦИЯ 8. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО 150

Жукова А.В. О тенденциях современной профессиональной хореографии Канады 150

СЕКЦИЯ 1. РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81-2, 908

Leun E.V. The origin of the name Moscow. Analysis of the causes of its rise and transformation into the capital of Russia

Leun E.V.

Abstract. In this paper we describe the new author's version of the origin of the name Moscow (in future – Moskva), connecting four syllables: "mo"+"os"+"ko"+"va" in connection with the characteristics of the terrain with many rivers and a cross-fault with an underground outlet flow of energy with the appearance of stable images of the Earth-mother, mother-the protector, or in its modern form the Motherland. After the baptism of Rus by the end of the Mongol-Tatar yoke after repeated protection higher powers this way connected with the virgin, her intercession and protection.

Given the Chronicles of natural disasters in Moskva, shows the most desirable radial-ring structure of building. It is proved that the historical reasons for the rise of Moscow, due to the predominance of the spiritual over the material reasons.

Keywords: the origin of the name Moskva, underground fault, the rise of Moscow, the rescue of Moskva from the Tatar-Mongol, radial-ring structure of building of Moskva.

Introduction

Why is the Kremlin of Moskva the germ not only not disappeared, but despite the brutal historical misfortunes.... left their roots and developed ... into a powerful state?

*Such important city as Moskva, is emerging in its place is not at the whim of **any** Prince ... case, but the reasons and circumstances of a higher or deeper order; for the evidence is always hidden ...*

Zabelin I.E. The history of the city of Moskva. From Yuri Dolgoruky until Peter I.

In 2017 will mark the 870th anniversary of Moscow (in further - Moskva, Fig.1.) and it is expected than it celebration of this anniversary will be a big cultural event in Russia with memories and reinterpretation of the

capital's history, role in the life of Russia, starting from its first mention, including the question and the origin of the name. And this article may be a modest contribution to the jubilee events dedicated to this significant event.

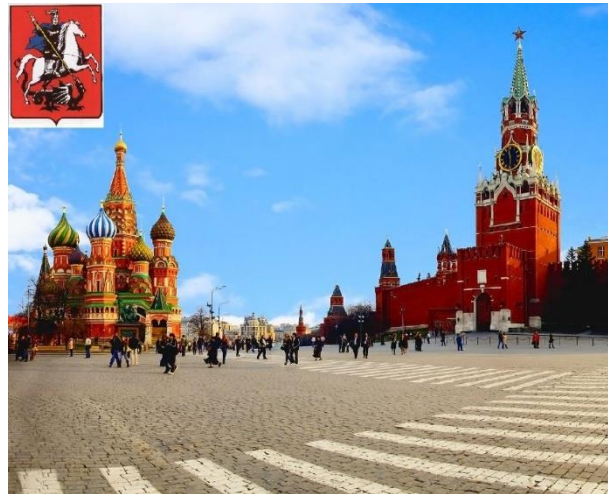

Figure.1. Moskva: the coat of arms of Moskva, a general view of the Red Square, the Kremlin and St. Basil's Cathedral.

1. About the real age of Moskva

It is known that the first mention of Moskva dates back to 1147 and is: "And send Gurgi, and said: "Come to me, brother, in Moskovu". Svyatoslav went to him with his son Oleg, in male squad, floodplain him Volodymyr Svyatoslavich; Oleg went in advance to Gurgevi, and gave him pardus. After arrival to him his father Svyatoslav in had some kindly kisses, in fifth day, to the praise of the Holy virgin, and were fun. In the morning Gurgin request big dinner and did great honor to them, and gave Svyatoslav many gifts, with love, and his son Olgovu and Volodymyru Svyatoslavych and Svyatoslave. And after it Svyatoslav came back to Lobinsc".

According to calculations, this meeting occurred April 4, 1147 [1]. However, there is evidence that already in the middle of the IXth century, i.e. two centuries before the first mention of Moskva in chronicles, the

territory of Moskva in different parts were populated and connected with the trade exchange with the countries of the East. And in this we are convinced the findings in different parts of the city of Arab silver coins (dirhem) IXth century, found at the mouth of the mouth of the stream Chertoriya (territory of the Palace of Soviets) and the Simonov monastery. Two such coins found near the stream Chertoriya minted one in 862, the second in 866 [1].

But one of the most ancient places of human habitation, according to archaeological excavations, should be considered Kostenki (near Voronezh, the distance to Moskva -500 km) and Sungir (near Vladimir, the distance to Moskva -186 km), with age ~40 thousand years and ~25 thousand years, respectively. It allows you to talk about living people on the Russian plains, and probably at the present Moskva territory since ancient times.

There is important, that the results of these and other studies can't explain how a small town originally located far from major trade routes, while in political competition with such large cities, the capitals of principalities and shopping centers as Kiev, Vladimir, Tver, Novgorod, Ryazan, starting from the middle of the XII century, not only towered over all of them, but also acted as a gatherer of the Russian lands.

This article considers the reasons for the rise of Moskva taking into account features of the formation of this name, which, of course, should reflect the deep essence of the area, its history and the momentous events of the X-XV centuries.

2. The origin of the name Moskva

So, until today the etymology of the word Moskva is still not precisely determined, has many variants consist of and among them are Baltic, Slavic and Finno-Ugric mutually exclusive versions.

With the author's point of view, the toponym Moskva arose from two

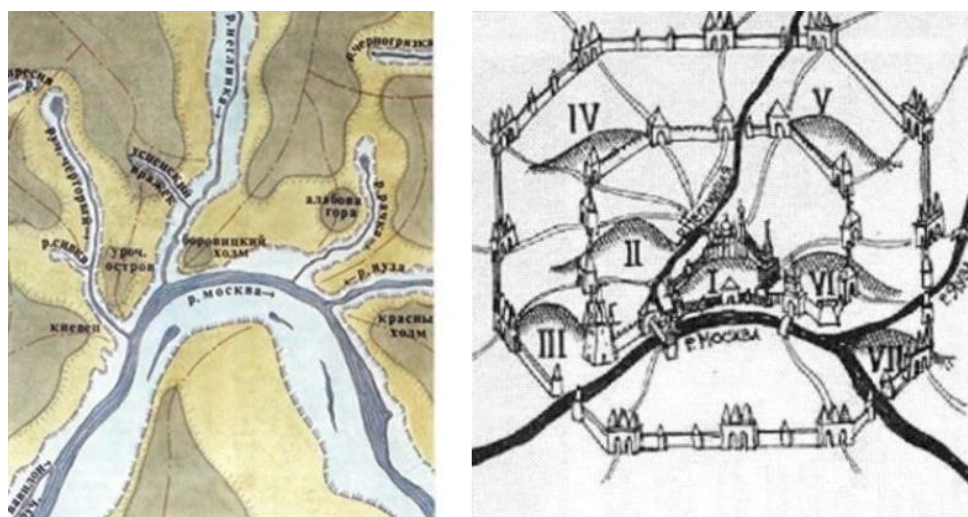
roots: "mos" and "kva" in favor of this version says their frequent use in other names. The first root "mos" is an important, but difficult enough for consideration, so the study will start with a simple root "kva".

3. The origin of root "kva"

The settlement was founded on seven hills in the area of many rivers, streams and tributaries of the Moskva river (Fig.2.): Andrew's Zarazy (or Andrew's ravine), Baryshikha, Susan [a Large ravine), Ichka, Kotlovka, Lenivka, Naprudnaya (Rybnaya, Sinichka), Neglinka, Nischenka (Gravorovka, Gravoma), Presnya, Rachka, Serebryanka (Izmaylovka in ancient times — Robka), Sivka, Sosenka, Tarakanovka, Filka, Khapilovka, Himka, Hodynka, Chura (the Semenovskiy ravine, Chertoriy, Beketovka), Yauza; and the streams of Babylon, Kolomna stream and wetland Kulizhki.

Since ancient times, the syllable "va" is associated with the river, like in other cases: Ayuva, Bolva, Gaiva, Emieva, Evva, Kozhva, Ruva, Lozva, Neva, Sosva. [2, 3].

The syllable "ka" and close to it the syllable "ko" is associated with the house (a settlement), homemade way of life [3,4] and is most often found in the names of domestic animals: korova (cow), kon (horse), kuriza (chicken), koshka (cat), kozel (goat), sobaka (dog). And the word "kova" formed by the connection of the syllables "ko" and "va", common environment hydronyms (Kova, Kovacs, Kovach, Kowashi) means "river with building a sanctuary on its coast, i.e. the river (on the banks of which were a cult object - the temple) [3].

a)

b)

Figure 2. The Area of the Moskva river in ancient times (a) and the ancient view of Moskva city on seven hills (b): I - Borovitsky hill (here is the Kremlin), II - Vagankovsky hill, III - Chertolskie hill, IV - Tver hill, V - Ivanovskaya Gorka, VI - Pskov Gorka, VII - Shvivoy (or Lousy) Gorka.

Due to incomplete vowel combination, which widespread in the Russian language, for example, in such words as: golova-glava, golos-glas, gorod-grad, bereg-breg, moloko-mleko and other the word "kova" has been changed to the form "kva":

«ко» + «ва» → «kova» → «kva».

This version is confirmed by several other hydronyms: Kakva, Morkva, Zerkva, Sakva.

4. The origin of the root "mos"

Root "mos" is based close to the roots "ras/ros/rus" in the words of the scattering, Rasseye, Rossia, Rus and, as history has shown, is just as important. It appeared from the connection of the syllables of the family, "ma/mo" and "os" with the loss one vowel according to the following scheme:

"ma/mo" + "os" —» "maos/moos" —» "mas/mos".

The syllables of the family "ma/mo" since ancient times in all cultures and languages meant motherly, material, earth, participates in the formation of words such as mom, mother, milk and is associated with stable images of the Earth-mother, mother-breadwinner, mother- the protector or in its modern form the Motherland. After the baptism of Rus, this image became inextricably linked with the Mother of God, her intercession and protection.

The syllable "os" is a representative collection of syllables «As/Os», which is as old as "ma/mo" and inherited the memory of the sacred symbol of the protoslavic tribes or even Hyperborea [5] in the form of so-called concepts of the image of the axis of the world tree (or tree of worlds), the image of the most important, main, central, from which later arose the words that are included in our modern usage [6]: as, vosem (-Rus. 8, eight), osa, osnova(foundation), os (axis), osetini (Ossetians), osen (autumn), osetr (sturgeon), osina (aspen) ostry (sharp), ostayki (Ostyaks) and toponyms: Asia, Ostankino, Ostozhenka, Ostashkov, Ostaszewo, Oskovo, Estonia. The name probably reflects the characteristics, and often the deep essence of the place or value of people, a tribe living there.

New modern reconstruction of the ancient derivation shows [7] that in ancient time, the derivation carried out in runic form [8,9] and for the family As/Os this scheme (1) can be represented as follows:

$$\square + \text{As/Os} \longrightarrow \square\text{As}/\square\text{Os} \quad (1)$$

where $\square$ is the rune that later became a letter and part of the root.

It can be assumed that in this way in accordance with the formula (1) were created and other place names:

by using the syllable Ra (the God of the sun Ra)

Ra + Os → < → → Rassey, Rossia, Ros, Rus
 → → Rostov, Raskova

by using runes/letters "V"

V + Os → → Voskova → Voskovo

by using runes/letters "S"

S + As → → Sasovo

by using the syllable "Po"

po + Os → → Paskova → Pskov

by using runes/of the letter "H"

H + Os → → Noskova → Noskovo

by using runes/letters "X"

X + As → → Haskovo

Thus, the word "mos" carries the meanings of the axis of mother earth, its foundations, the core of the Central land, the land in the centre, the centre ("navel") of the earth, etc. basis, which is determined, defends and carries the principles of harmony and peace, peace and freedom, justice, purity and goodness. And the meaning of the name Moskva can be interpreted as "the river with a sanctuary on the shore, which is the parent centre ("navel"), axis, backbone of the earth" that contains the above principles.

5. The geological features of the territory of Moskva

Meanings of "foundations of the earth, the main/Central land, the land in the centre of the centre ("navel") of the earth" becomes clearer after it became known that Moskva is on a different kind of earth faults, karst caves, hollow formations in the structures of the underlying rocks that are underneath the top layer of the Earth. Geological studies determined [10] that

from the West to the East of Central Moskva, including the areas of the Kremlin, Varvarka, Ilyinka, Zaryadye and Zamoskvorechye, China-town, the current of the Lubyanka, the Staraya and Novaya Ploschadei, and dissects a powerful ancient rift, and from the South/Southwest to North/North-East of the same giant fault, too, through the city centre on the above territories, forming a cross. It is for these breaks from the bowels of the planet enters the flow of energy, which creates a turbulent atmospheric processes. The Moskva Kremlin was built on Borovitsky hill, directly into a pagan temple near the intersections of faults, passing through the Red and Manege squares.

6. Historical records of natural disasters in Moskva

Features of a geological structure of territory of Moskva are most evident in weather features, namely natural disasters, which is supported by the historical Chronicles of Moskva for nearly 700 years [10]. In the Trinity chronicle, for 1280 in Moskva marked an unprecedented hurricanes and storms ("a lot of people voting thunder"). In the XIII century on 40 years of established extreme age. "Raging storm, during which killed many people and cattle (1280, 1299, 1300). Gale-force winds raise into the air many yards and carry them together with people and all life of the" Raging fires. "May 3 1331 burned the Kremlin." In 1337 in Moskva "all the Pohorje and at the same Naida rain strong".1365 G.: "light up the city of Moskva... from Certiport got burned the Posad, and all the Kremlin and the District." The same happened on 21 July 1389, 1396 In times of such tectonic manifestations in Moskva, it was the Aurora: "from pelonomi and to Shine were the pillars of fire and end them at the top of Yaqui blood." Moskva again burned to the ground (1401). Often in those same years and the same places have been earthquakes: "Toya same fall, 1446, Oct 1 day, and the hour

of the night potraznja the city of Moskva, the Kremlin and the Posad and temples shaking".

On that hill, where from time immemorial built Moskva, on the cross faults extreme events proceeded very rapidly. "1460, July 13 at 6 p.m. from the West appeared a very formidable and dark cloud and began an unusually strong storm. The storm destroyed many buildings... from the terrible storms of wind, thunder and lightning shook the earth." The same thing happened in 1469 30 Aug – a strong storm with hail and storm: "burning brands and bark good far away had worn for so many miles". Moskva again burned all.

The rapid activity of the bowels is manifested by an earthquake in 1471 For another year on 20 July "the storm was led by large, fire metal for seven yards more. From the churches and the choir flew off the roof." Fire. Tectonics just raged: 1474, spring was "a coward in the city of Moskva... During the earthquake collapsed the nearly completed Church. Virgin. May shake all the temples, and ranged the earth." In the winter and in the fall there was the Polar Lighths. Storm 1477 1 Sep storm: "thunder was exceedingly great". From lightning strikes fell "head and neck and shook the earth from gramene terrible."

In 1481-1486 cities of Moskva burned annually, в1493 g terrible fires 15 Apr, 6, 16 and 28 July during a strong wind, burned a large part of the city. In 1495 and 1507, he was burning and men "bellies reciclando". The same happened in 1530 Special was the fire of June 21, 1547, in the time of storm: "there was a big storm and leak the fire as lightning." Three years in the city stood the Polar Lighths. Storm fires 1565 – Neglinka, 1566 – rose cloud dark and became red as fire"; 1584, 1591, 1594, 1599. "in the China-town burned all the yards and shops of all ranks without residue and on the town roof. And don't flee to China-town nothing from that fire, a single house".

Unusual storm 1604, and "Moskva in the summer snow and great frost had been...". The Polar Lights in February 1626, and then fires. Storms and fires 1631, 1633, 1649.: "the Great fire, which did not remain in the White city is not a single pole". It is in stone town! It is easy to see that the adversity is not part of the city to the West of the Kremlin, but to the East – at faults. Here in the node faults abruptly *vzdelavacie* atmospheric processes, clouds suddenly become bloody, is ionized environment, even flashes of auroras "at the top, like blood." And after the fire in the Navy, at the Sofia embankment opposite the Kremlin, the hotel "Russia", the fires in many other places of the same nature, the process of ionization of the environment, inflammation from the radiation at the break, a sharp temperature rise to the "melting of copper bells at 170 pounds instantly", and burn the stone, the stairwells, in the Kremlin, the stones in the wall were glowing red hot. The fire spread instantly and in a spiral.

The destructive power of such natural phenomena decreased after the introduction of radial-circular building in Moskva, eliminating imbalances of natural energies at the suggestion of James Bruce, associate of Peter I, after one of the fires, which destroyed at once the whole of Moskva.

However, natural disasters were observed in Moskva and later. 29 Jun 1904 17 hours, the tornado in Moskva uprooted and twisted all the trees (some up to a meter in coverage) Anemophily groves, caused damage to many areas sucked the water from the Moskva river, exposing her bottom. Hail unprecedented proportions; some hailstones, which had the shape of a star, reached 400-600 grams. A direct hit by such hailstones were killed on the spot, cut through thick tree branches. The number of victims has exceeded one hundred people, injured counted 233.

Destructive tornadoes were also reported in 1927, 1945, 1951, 1956 and 1957, bringing to the conclusion that "the Central region of our country really are at the center of activities of significant tornadoes" [11].

In the afternoon of June 9, 1984 in Moskva, Kalinin, Yaroslavl, Ivanovo and Kostroma region's have been tornadoes monstrous strength (Category 5). The most powerful tornado was observed in Ivanovo: derailed wagons, lifting, turning over repeatedly and knocking aside cars, buses, trolleys. The water tower tank weighing 50 tons was thrown 200 meters away.

7. The establishment of the Moskva center of Russia and the third Rome

In 988, after the baptism of Rus in Kiev is now in a number of capitals of Christian Europe. In less than 200 years as a result of campaign of Andrey Bogolyubsky of Kiev in 1169 results in transferring the great Prince to Vladimir, and after the era of Kiev's Rus begins the era of Vladimir's Rus. And in 1325 from Vladimir to Moskva, the remote is only about 200 km, transferred the residence of Metropolitan Peter, beginning a new era of Moskva's Rus (Fig.3.).

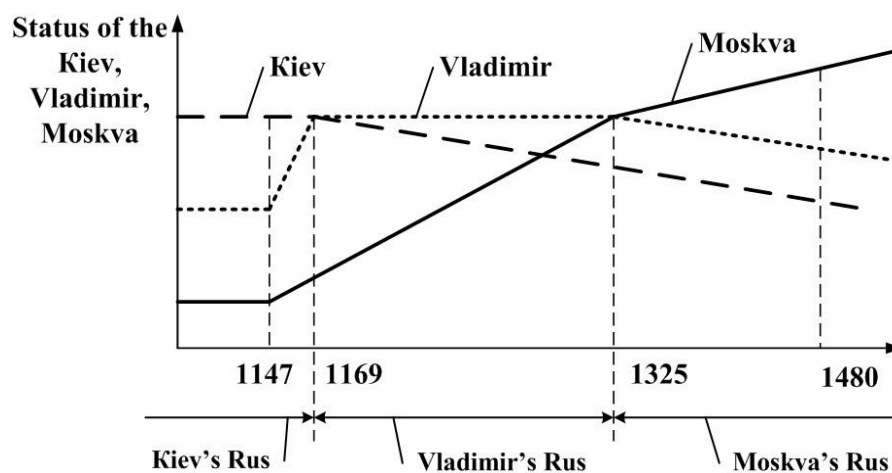

Figure. 3. Diagram of changes in the status of the Kiev, Vladimir and Moskva in the first half of the II Millennium

With the author's point of view, the reasons for the rise of Moskva everybody can see the predominance of the spiritual over the material reasons. Initially, Moskva was not the center of trade routes, yielding Kiev, Tver and other cities, but this was not the main and history of Russia as if she brought Moskva to a Central place. It began against the background of momentous events in the Russian principalities: the Baptism of Russia, the civil war (which lasted even during the Mongol invasion) that strengthened the centrifugal tendencies of the Tatar-Mongol invasion, the battle of Kulikovo, the complete liberation from the Mongol-Tatar yoke after standing on the Ugra, the emergence of Moskovia.

All of these, mostly tragic, events contain profound implications of a spiritual nature, forming the residents of Moskva for a long time understanding that the maximum power is given in purity (of thoughts, words and deeds) and strong feelings: attitude and aspiration to harmony and peace, search for justice, kindness, perception of God's will etc. as opposed to Kiev and other principalities in times of strife hosted low spiritual qualities, leading to the destruction and devastation. For example, it is known that "the main prey of carrying out sectarian attacks of the Russian princes was prisoners for sale into slavery, and as a consequence, most important exports of Russia in XII — the beginning of XIII century was the slave trade - the export of slaves-countrymen abroad. Sold and resold and artisans, and as the most valuable "export product" leaving the masses of craftsmen from the Russian land [12,13].

An important contribution in shaping the spiritual life of the Russian people form many wonderful, mystical, divine phenomenon. These include the story of the salvation of the city of Kitezh, the spiritual role of St. Sergius of Radonezh, the Trinity-Sergius Lavra and the gracious aid of the "Donskaya" icon of the Mother of God in the victory on the Kulikovo field

"Vladimirskaia" icon of the Mother of God who revealed his gracious help with the feud, while protecting from the invasion of Tamerlane (1395), the Horde of Khan Edigei (1408), Nogai Prince Mazovia (1451), attacks on Russian soil, Khan Sedi-Ahmet (1459), Khan Ahmed (standing on the Ugra in 1480).

This could not influence the polarization of human consciousness dividing them into light, which gradually and 1380 the battle of Kulikovo became Muscovites and Mongols, as the devil incarnate. Also influenced the perception of some exclusivity of Moskva, being under the protection and intercession of the virgin, while her unfathomable destiny in the fate of Russia, really bringing it in the center of Russia, placing of the sacred, the spiritual above the material.

To the battle of Kulikovo in 1380, i.e. 230 years after the first mention of Moskva (1147) as a small town, its status is already likely to identify as "first among equals". And after 100 years under Ivan III the Great, Prince of Moskva, Tsar of all Russia, liberated Russia from the Mongol invasion, Moskva's position has not been equal. All this is happening against the backdrop of the devastating internecine strife of the feudal Russian principalities, is a brutal Mongol-Tatar yoke with numerous full destruction of Moskva, the political, military and trade competition with Kiev, Vladimir, Tver, Novgorod, Ryazan with other cities with worse initial conditions, due to the remoteness from the main trading river routes and the natural disasters from fires to storms, hurricanes, tornadoes and earthquakes.

So we can talk about the amazing connection extraordinary natural forces energy of the earth Moskva as a mother-nurse, and the Divine intercession of the the Mother of God. The result of this political growth of the city can be considered regular proclamation of Moskva as the Third Rome, the political and religious center of Europe.

It is also worth noting that the rise of Moskva coincides with the appearance on the world map, the largest of the Mongol Empire. Its territory is close to the territory of the USSR with the countries of the socialist camp that emerged after almost VII centuries after the first. Perhaps this, too, can see God's Providence.

In fairness it should be noted that for nearly 200 years the capital of the Russian Empire was St. Petersburg, built by Peter I. In it were laid the maximum number of Masonic symbolism, much of which remains so far, especially on the facades of buildings. And one would assume that it should produce its effect. However, life has shown the opposite. First, the invasion of Napoleon's army was aimed at Moskva and not St. Petersburg, the then capital. It is noted by many historians. And we can assume that the directed and inspired by the Vatican Napoleon did not act spontaneously, but quite deliberately, in fact, demonstrating the status of Moskva de facto. Secondly, after a nearly 200-year period, the capital again became Moskva, denoting the transition after the October revolution of 1917, the movement of Bolshevik leader V.I. Lenin and the government of St. Petersburg (Fig.4.).

8. Radial-ring form of Moskva

As shown above, the radial-ring principle of construction is the most harmonious, minimizing natural disasters related to the peculiarity of the territory. Archaeological research confirms that a similar principle was implemented in Arkaim (Chelyabinsk region), fortified settlement of the so-called "Country of towns" of the middle bronze age of the turn of III-II Millennium BC. Researcher of antiquities Alexander Asov, comparing the plan map of the Arkaim (Fig.4a) ancient Moskva (Fig.4b), found their complete similarity. In his opinion, a settlement somewhere in the fourth

Millennium BC. became Moskva, had once been a sacred center of Aryan and proto birth performs the same function as Arkaim. It, as well as the sanctuary of the ancient Aryans, focused on the stars.

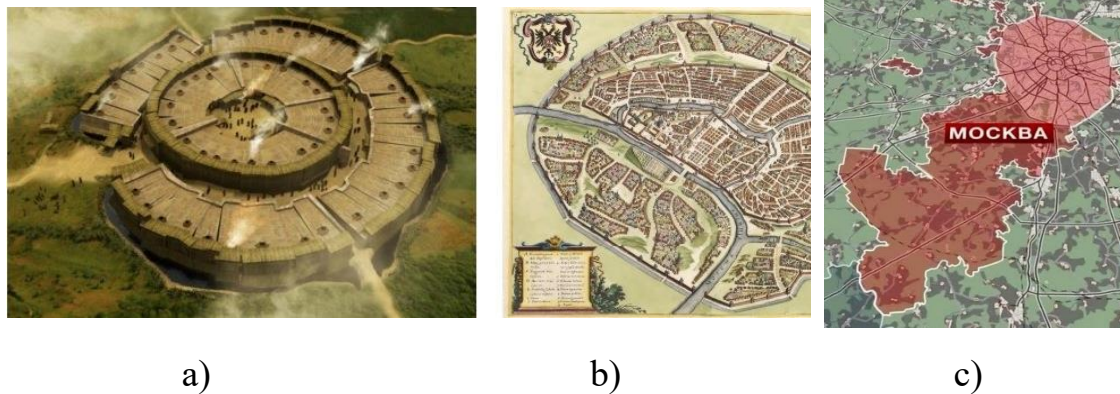

Figure 4. Radial-ring structure of the Arkaim (a) and Moskva (b),
Moskva (c) after its expansion

In this regard, it can be assumed that such energy-based sacred cities allows us to answer the question about the reasons of leaving their inhabitants. Probably the fact that the energy of the area is weakening or it begins to differ from the spirit, the essence of time and the residents are forced to migrate to another or new more powerful and modern energy center. Therefore, we cannot exclude that the migration endpoint for the part of the descendants of the inhabitants of Arkaim and became Moskva eventually grew to the capital of a powerful state, political and religious center of Europe, which declared itself the Third Rome.

It can be assumed that the existing radial-ring structure of building of Moskva has restored his ancient form. The layout of the capital corresponded to the zodiacal map of the sky. From the Kremlin in the city center diverged beams 12 of the main streets that divided the city into sectors, which correspond to the 12 signs of the zodiac. During Stalin, the Moskva division of the 12 zodiacal zones was postponed and under the earth, in particular, on creation of the metropolitan ring metro line with 12 stations.

Therefore, emerged the project "New Moskva" for its administrative extension will lead to a strong change in the shape of the future metropolis in the form of an elongated "big dirty blobs" with sharply crenulated borders. From this will arise an imbalance in the distribution of natural energies with increase in frequency and increase in power of natural disasters in Moskva and outflow of people, with the possible prospect of losing the status of capital of Russia in the future.

Summary and Conclusions.

1. Hydronym Moskva created by connecting the four ancient syllables, morphemes: "mo" + "os" + "ko" + "va" meaning "the river with a sanctuary on the shore, which is the parent center, the navel, the axis, the Foundation of the earth." The image of Moskva from ancient times is associated with cross underground fault at this location, the outlet flow of energy to form stable images of the Earth-mother, mother-breadwinner, mother-protector, or in its modern form the Motherland. After the baptism of Rus by the end of the Mongol-Tatar yoke after repeated patronage higher powers this way connected with the Mother of God, her intercession and protection.

2. The rapid rise of Moskva to the status of "first among equals" after 230 years since the first mention (1147) the battle of Kulikovo (1380) and during 100 years (1480) to the status, which is equal to the previous centers: Kiev, Vladimir, Tver, Novgorod, Ryazan and other cities due to the predominance of the spiritual over the material reasons. This is largely caused by heavy tests, fallen to Russia in the first place because of the Mongol-Tatar yoke and a combination of reasons:

- the sharp polarization of the consciousness of many people with the idea that the Tatar-Mongols – the "devil incarnate" and understanding that the maximum power is given in purity (of thoughts, words and deeds) and

strong feelings: attitude and aspiration to harmony and peace, search for justice, kindness, perception of God's will, etc.

- God's chosen place, manifested as natural strong energy in a cruciform earth fault and through numerous salvation of the Moskva saints Sergius of Radonezh, the Trinity-Sergius Lavra and the gracious aid which is "Donskaya" and "Vladimirsкая" icon of the Mother of God.

3. Leaving the earth's energy flows and create conditions for the manifestation in Moskva a strong and devastating emergency situations in the form of fires, hurricanes, storms, and even earthquakes. One of the main conditions for the reduction of these destructive phenomena is a radial-ring structure of building of Moskva, which allows to balance the output of energy in all directions. Such a radial-ring structure of the building of the cities characteristic discovered by archaeologists of ancient cities, such as Arkaim.

4. Violation of radial-ring structure of the development of Moskva, which will occur in its extension, may lead to imbalances emerging natural energies and, consequently, to increased and increasing natural disasters, and in the long run and the loss of the status of capital of Russia.

References

1. Tikhomirov, M. N. Ancient Moscow. XII-XV centuries. M., 1947.
2. Tyunyaev, A. A., Chudinov. V. A., Mironova E. A. Proto (experience of reconstruction) volume 1 (2). – M: White Alva, 2010
3. Ignatov M. D. the origin of topfermented th, them, mind, om, -tion, - VUM in Komi toponymy. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12061283>
4. Gusein-zade, M. G., Lvov E.V. Common syllables of the family "Ko/Ka" involved in word formation of languages, with the words "Ko",

"Ka" of the Talysh language. Odessa T. 23, 2014. [electronic resource] – access Mode. - URL: <http://www.sworld.com.ua/konfer37/833.pdf>

5. Loginov D. Hyperborean faith of Rousseau. Fair-Press. 2003, 400 p

6. Leun E. V. Participation of syllables of the OS family, as in the word formation of languages, X int. NTK "Dynamics of systems...", 15-17 November no 1, 2016, vol. 4, pp. 392-396.

7. Lvov E.V. In search of the ancient roots of the Russian language. Political mysteries in Russia. M., Professional, 2013, 382с.

8. Chudinov V. A. Russian runes.-Moscow: Alva-First, 2006.-336 p., Il.

9. Aces A. I. Runes, symbols, and mysteries of the Slavs. — M: Veche, 2008. 382 p.

10. Pisarenko D. Arguments and facts, Moscow, Russia No. 49 (595) dated 8 December 2004 "AIF": <http://without-answer.livejournal.com/289644.html>

11. Nalivkin, D. V. Hurricanes, storms and tornadoes. Geographical characteristics and geological activity. M., Nauka,1969.

12. History of culture of ancient Russia. Vol. 1. The pre-Mongol period. Material culture. Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. M.-L. 1951.

13. Enikeev, G. R. Crown Horde Empire, or the Tatar yoke was not. M.: Eksmo, 2011.

УДК 81

**Василевская Ю.А. К вопросу об особенностях перевода
безличных конструкций (на материале поэтических
текстов Р.Бородулина)**

To the problem of the peculiarities of translating impersonal constructions (based on the poetic texts by R. Borodulin)

Василевская Юлия Александровна,
Преподаватель кафедры белорусского и русского языков,
Белорусский государственный медицинский университет

Vasilevskaya Yuliya,
Lecturer of the Belarusian and Russian languages department,
Belarusian State Medical University

Аннотация: Статья посвящена анализу особенностей перевода безличных конструкций с белорусского языка на русский. Материалом для анализа послужили поэтические тексты Р. Бородулина и их переводы на русский язык.

Ключевые слова: категория безличности, безличная конструкция, переводческая трансформация, поэтический текст.

Abstract: The article is devoted to the analysis of peculiarities of the translating impersonal constructions from Belarusian into Russian. The data are poetic texts of R. Borodulin and their translation into Russian.

Keywords: category of impersonality, impersonal sentence, translator's transformation, poetic text.

Перевод является сложным процессом передачи информации с одного языка на другой, и одной из основных задач современного переводоведения является выявление функциональных соответствий в языке перевода языку оригинала. Традиционно сложным считается перевод художественного текста, при котором необходимо не только передать смысл текста- оригинала, но и сохранить особенности авторского идиостиля.

Цель данной статьи – выявить, как трансформируются безличные конструкции при переводе поэтического текста с белорусского языка на русский. Материалом исследования послужили лирические

произведения белорусского поэта Р. Бородулина и их переводы на русский язык.

В современной лингвистике исследование семантико-грамматической категории безличности как одной из наиболее употребительных и разнообразных по структуре и семантике категорий русского языка занимает особое место. Высокая частотность употребления безличных предложений объясняется «не только все более развивающимися и уточняющимися формами мышления, расширением средств изобразительности, но и различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также усложнением содержания речи» [3, с.151]. При непосредственном анализе языкового материала мы установили, что безличные конструкции характерны и для белорусского языка. Однако в процессе перевода нередко возникают проблемы, связанные, прежде всего, с поиском межъязыковых соответствий. Безличные конструкции текста-оригинала могут полностью или частично соотноситься с переводом, причем частичное соответствие оригинала и перевода требует особенного внимания переводчика, поскольку игнорирование данного явления может привести к семантической, стилистической или семантико-стилистической неточности.

Различия в лексическом составе и грамматических системах языков обязывают переводчика адаптировать исходный текст к нормам другого языка с помощью переводческих трансформаций. Под этим термином принято понимать преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода [2, с.48].

Сопоставительный анализ поэтических текстов Р. Бородулина и их переводов на русский язык, позволил нам установить, что при

переводе безличных конструкций, как правило, используются грамматические, лексические и лексико-грамматические трансформации.

Грамматические трансформации традиционно обусловлены несовпадением грамматической структуры исходного языка и языка перевода.

Использование лексических трансформаций при переводе художественного текста с одного языка на другой связано с различиями в смысловой структуре слов, взятых из двух сопоставляемых языков.

Лексико-грамматические трансформации вызваны своеобразием языка оригинала, особенностью языка перевода, индивидуальностью переводческого восприятия смысла предложения.

Наблюдения над оригинальными текстами Р. Бородулина и их переводами на русский язык свидетельствуют, что часто безличные предложения в русском и белорусском языках не только равноценны по семантике, но и идентичны по структуре. В этом случае можно говорить о грамматической адаптации:

*Зараз **плысці** ім/ на возеры нецяярнення зыбкім/ ад берага ледаставу/ да берага крыгалому... // **Плыть** им нынче/ озером нетерпенья зыбким/ от берега ледостава/ до берега ледолома. (“Лодкі”, пер.Н. Кислика)*

Однако нередко при переводе поэтических текстов Р.Бородулина безличные конструкции текста оригинала трансформируются, что продиктовано субъективностью переводческого восприятия микроконтекста.

Как свидетельствует собранный и проанализированный нами языковой материал, чаще всего переводчики прибегают к грамматическим трансформациям, при которых изменяется

формальная структура предложения. Однако данный тип трансформаций, как правило, влечет за собой изменение и семантического наполнения высказывания.

Среди грамматических трансформаций нами отмечены морфологические (замена частей речи, форм глагола и др.) и синтаксические (замена членов предложения, целых синтаксических конструкций):

Мне сумна, як самотному ваўку./ Распальваю камін. З агнём жартую.// Мне, будто волку, не унять тоску. / Горит камин, и я с огнём играю (“Мне сумна, як самотному ваўку”, пер. В. Соловьевой). Обе конструкции в данных отрывках являются безличными, однако в оригинале в качестве предиката используется безлично-предикативное наречие, а в русском переводе – инфинитив, который позволяет иначе расставить акценты в содержании текста: переводчик актуализирует не состояние лирического героя, а его бессилие перед чувством тоски.

Наиболее распространенной синтаксической трансформацией является замена безличных конструкций личными и наоборот:

Знаёма пахла бульбай сопкай,/ сялом, пакінутым жытлом. // Запáх картошкой позаранок,/ селом, где бегал босиком (“Адам і Ева”, пер. А. Дракохруста). В оригинале автор использует в качестве предиката личный глагол в безличном употреблении, выражающий ощущения от внешних явлений, а в русском переводе на месте безличной конструкции оказывается двусоставное предложение.

Ледзь-ледзь хавалі зайздрасць хвалі,/ аж закіпелі у трысці, -/ мяне і човен падмывалі/ далёка з юнай заплысці... // От зависти пылая ало,/ заря горела высоко.../ Вдвоём с челном нас подмывало/ заплыть с девчонкой далеко (“Ішла над ціхім лесам поўня...”, пер. И. Бурсова).

При осуществлении трансформации текста оригинала в обратном

направлении (от личной конструкции к безличной) замена личного глагола безличным придает высказыванию иное значение, так как выбранная переводчиком безличная конструкция выражает действие, представленное как стихийная сила.

Использование синтаксических трансформаций наблюдается также при переводе пословиц:

*Хіба што прыказка суцяшала:/ - Добраму чалавечку **добра** і ў запечку,/ а якой **благаце**/ **блага** і на куце...// ...Разве что присказка в утешенье:/ «Хорош человек/ – хорош и запечек,/ а худому **худ**/ и красный кут» (“Мама”, пер.Н. Кислика). Белорусскому безличному предложению в данном случае соответствует русское двусоставное предложение, однако отсутствие в оригинале идиоэтнической маркированности на лексическом уровне позволило переводчику сохранить семантику белорусской пословицы.*

Также были отмечены и другие виды трансформаций на грамматическом уровне, среди которых особый интерес представляет переводческая конверсия, то есть замена морфологической формы языка оригинала другой по типу морфологической формой языка перевода:

*Аблогі перамятае,/ аблогі **перамяло**. // Пространство порошей **завеяно**, вся трасса белым-бела (“Дзівоснае імгненне”, пер.Н. Кислика). В этом случае белорусский безличный глагол переводится формой русского краткого причастия, но при этом сохраняется значение действия, носитель которого представлен как стихийная сила.*

Лексико-грамматические трансформации, использованные при переводе безличных предложений, охватывают как грамматическую структуру единицы, так и ее семантическое наполнение:

Спякоту тваю мне можна правезці – хай снег растае, –/ паветраныя таможні ніколі не знойдуць яе. // Мне нужно, а значит – можно/ в себе провезти этот зной./ Воздушные все таможники/ не сладят с тягой зимой (“Дзівоснае імгненне”, пер.Н. Кислика). В данных контекстах отражены лексические и синтаксические различия, хотя оба предложения являются безличными. Если в оригинале сказуемое выражено сочетанием безлично-модального предикатива со значением возможности действия, то в русском переводе используется 2 безлично-модальных предикатива, сигнализирующие о необходимости действия и возможности его осуществления. Причем, прием модуляции, использованный переводчиком, подчеркивает стойкость, решительность, активное начало лирического героя.

Кстати, изменение грамматического облика текста-оригинала, по нашим наблюдениям, довольно часто приводит к появлению нового содержания:

Бывала нам мулка і вузка,/ пялёсткі былі і сцябло.// Бывало, что улицы грубы./ И шёпот, как стебель сухой (“Чатыры літары”, пер. И. Шкляревского). Интересно, что в данном случае переводчик оставляет только глагольную форму, не конкретизируя при этом состояние лирических субъектов (*нам*), чётко обозначенное в оригинале. В результате описание состояния субъектов, выраженное в оригинальном тексте безлично-предикативными наречиями, при переводе редуцируется, а в придаточной части представлена только характеристика объекта (*улицы грубы*), из-за которого лирическим героям *мулка і вузка*.

Особым видом лексико-грамматических трансформаций является *антонимический перевод*, под которым принято понимать трансформацию утвердительной конструкции в отрицательную (или

наоборот), сопровождаемую заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке [1, с. 215]:

Болю не трэба было дабаўляць./ Рук ты не чула,/ але спачувала,/ што ў перапёлкі ножкі баляць... // Боли хватало, брела наугад./ Но и тогда ты/ не забывала, - / «У перепелки ножки болят...» (“Матчына песня...”, пер. И. Шкляревского). В данном примере наблюдается использование особого вида антонимического перевода – *конверсивный перевод* (термин А.Д. Шверцера), для которого характерна не столько полярная противоположность признаков, сколько противопоставление наличия признака его отсутствию: бел. ‘не трэба было дабаўляць’ и рус. ‘хватало’ – окказиональные антонимы, один из которых отрицает признак, выражаемый другим.

К лексическим трансформациям относятся приемы, с помощью которых значение иноязычного слова проявляется в контексте путем подбора синонима, который, в свою очередь, не совпадает со словарным соответствием:

Тады хацелася наўзрыд/ заплакаць шчырымі слязамі.// И как хотелось мне тогда заплакать горькими слезами... (“Бацьку”, пер.И. Бурсова). Оба предложения являются безличными, в оригинале и в переводе характеризуется внутреннее состояние лирического героя, однако белорусскому ‘шчырыя слёзы’ в русском языке соответствует ‘искренние слезы’, а выбранная переводчиком лексема ‘горькие’ придает высказыванию негативный оттенок.

Необходимо назвать еще одну особенность, отмеченную при переводе поэтических текстов Р. Бородулина на русский язык. Одним из частотных приемов, используемых переводчиками, является *опущение*. Традиционно при переводе опущению подвергаются слова,

являющиеся семантически избыточными. Но, как показывает исследованный нами материал, часто при сохранении общей идеи стихотворения переводчик изымает не только слова, но и предложения, а иногда и целые строфы:

Латышскі стол гасцінны/ наноў сяброў сабраў./ Як на старым гасцінцы, / завозна тут ад страў.// Латышский стол широкий,/ гостеприимный стол,/ собрал друзей с дороги,/ их с чаркой обошел. (“Паэма жытняй скібе”, пер. И. Шкляревского)

Таким образом, исследование языка оригинала и перевода поэтических текстов Р. Бородулина позволяет сделать вывод, что большинство безличных конструкций в белорусском языке имеют соответствия в русском языке. Однако сложность конструкций на уровне синтаксиса, богатство их семантических оттенков обуславливают использование переводческих трансформаций – грамматических, лексических и лексико-грамматических. Поиск равнозначных функциональных соответствий конструкциям оригинала – сложная задача, решение которой зависит от умения переводчика выявлять и использовать потенциальные возможности языка.

Библиографический список:

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М.: Международ.отн., 1975. – 240 с.
2. Бородулин, Р.И. Перакуленае/ Опрокинутое / На рус. и белорус.яз. – М.: Время, 2010. – 512 с.
3. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402 – 421.
4. Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке.– М., 1958. – 332 с.

5. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.:Наука, 1988. – 215 с.

УДК 82-4

Кувшинникова О.А. Принципы изображения растительного мира в цикле очерков Б.В. Щербакова «Старое подворье»

The principles of the image of flora in a cycle of sketches of B. V. Scherbakov "An old farmstead"

Кувшинникова Ольга Александровна,
кандидат филологических наук, старший
преподаватель кафедры казахского и русского языков,
Восточно-Казахстанский государственный
технический университет им.Д.Серикбаева

Kuvshinnikova Olga Aleksandrovna,
Candidate of Philology, senior teacher of department
of the Kazakh and Russian languages,
The East Kazakhstan state
technical university of D. Serikbayev

Аннотация: в работе анализируются приёмы художественного изображения мира растений в жанре очерка, выявляются особенности отражения фрагментов действительности в условиях синтеза естественнонаучного и художественного подходов.

Ключевые слова: внутренняя форма слова, жанр, картина мира, номинация, образ.

Abstract: in work receptions of the art image of flora in a sketch genre are analyzed, features of reflection of fragments of reality in the conditions of synthesis of natural-science and art approaches come to light.

Keywords: internal form of the word, genre, world picture, nomination, image.

В условиях направленности современной филологической мысли на проблематику анализа текста особый интерес вызывают жанры, в своей генетике восходящие к разным способам постижения действительности (наука, искусство, право, религия и др.). Жанровая принадлежность текста является существенным фактором формирования категорий содержания и формы.

Произведения региональных авторов примечательны широтой охвата действительности, многомерной организацией содержания, мастерством интерпретации запечатлеваемой картины мира. Как

отмечалось в более ранних работах, творчество Бориса Васильевича Щербакова представляется органическим единством естественнонаучного и художественного подходов [1, с.30], что находит выражение на разных уровнях организации текста – идейно-тематическом, жанрово-стилистическом, формально-языковом.

Подобный синтез типов отражения действительности (понятийное/образное) обуславливает характер передачи затекстовой информации.

Предметом описания в настоящей работе являются приёмы художественной интерпретации объектов флоры.

Элементы научного способа отражения мира в рассматриваемых произведениях вводятся соответствующими избираемыми номинантами:

а) фитонимами - названиями терминологического характера, построенными по модели устойчивого словосочетания с постпозитивным определением: «ежа сборная», «хатма тюрингенская», «осот полевой», «розга золотистая»; «полынь Сиверса»;

б) терминологической лексикой, называющей объективный признак и выполняющей функцию биологической характеристики вида: «многолетник», «зонтичные»;

в) упоминанием объективных признаков в описании частей растения: «соцветие», «стебель-дудка», «ребристый стебель».

Однако при наличии в языковой системе терминов, построенных по модели словосочетания, автор отдаёт предпочтение однословным номинациям, тяготеющим к более широкому употреблению: лабазник («лабазник вязолистный»), володушка («володушка золотистая»), золотарник («золотарник обыкновенный», «золотая розга»), болиголов

(«болиголов пятнистый»), дурнишник (трава «дурнишник обыкновенный»), ромашник («ромашник щитковый»).

Вкрапление фрагментов научной картины мира можно заметить в установке автора на объяснительный характер подачи значения фитонимов, сравним случаи введения этимологического комментария в авторское описание растения: «Каждый цветок голотелы к этому времени испил уже грусти сентябрьской ночи. Растение это в наших садах, огородах знают как сентябринку. Назвали за то, что зацветает после первых заморозков в сентябре» («Всё в ожидании»); «Зовутся эти цветы (- ромашник. – О.К.) так потому, что на ромашку похожи, но крупнее» («Ромашники»).

Интересным представляется художественное осмысление биологической системы фитоценоза (совокупности «растений на относительно однородном участке земной поверхности», для фитоценоза «характерны определённый видовой состав и структура, сформировавшиеся в результате отбора видов, способных существовать совместно друг с другом и с иными организмами в определённых условиях» [3]). В очерке «Первое знакомство» для описания совокупности растений на территории Подворья автор вводит научное понятие «растительное сообщество», которое выступает ключевым объединяющим образом цикла, подвергаясь художественной трансформации. Растительное сообщество Подворья представлено через модель социальной иерархии, которая строится на распределении ролей участников «обитателей Подворья»: представители неофициальной «элиты» («хозяин» «генерал» дягиль, «захватчик» репей, «господин» и «выскочка» Болиголов); представители простого населения («маленький простенький одуванчик»); а также множество отдельных неформальных лидеров

(«красавица-хатьма», «застенчивая знаменитая особа» крапива, «коренной степняк» тысячелистник, «подхалим» и «приспособленец» дурнишник и другие). Художественная картина мира воспроизводит такой объективный признак фитоценоза, как наличие фитоценологических отношений: конкуренция растений (борьба за существование, доминирование на территории) и взаимопомощь (благоприятное воздействие друг на друга).

На эмоционально нейтральной доминанте «растительное сообщество» выстраивается образная цепь: «интернациональная компания трав» - «зелёная подзаборная братия» - «зелёные соседи» - «обыватели страны Призаборье». В средствах художественной номинации растительного сообщества актуализируются следующие смысловые компоненты:

- а) видовое разнообразие («интернациональная компания»);
- б) общность территории («подзаборная братия», «обыватели страны»);
- в) потенциальное intersubъектное взаимодействие, обусловленное особенностями месторасположения («соседи»).

Представителям растительного сообщества сообщаются разнообразные антропоморфные черты:

- биологические свойства (детали внешнего облика человека, возрастная характеристика, принадлежность к полу): «Из травы бирюзовыми глазами открывшихся утром цветков цикорий смотрит; болиголов, задумчиво склонив белую шапку соцветия, похожего на шар, искоса в полглаза косится» («При исполнении...»), «(Хатьма). - <...> Здесь каждая кочка знает меня, и знают все: Болиголов – мой благодетель, супруг, извините!» («Шум и скандал великий»);

- психические образования (элементы знания: «Знает хатьма что-то такое, что связано с теплом далёкой от нас Тюрингии» («Хатьма») - в данном случае актуализируется мотив «тайного» знания, доступного избранным);

- психические познавательные процессы: растения наделяются эмоциональными состояниями, мыслительными способностями, внутренней и внешней речью: «- Нет, подумайте только! Этот неизвестно откуда взявшийся выскочка вместо того, чтобы молчать, вопросы мне задаёт! – мягко, но сердито прошипела красавица-хатьма и, оскорбившись от волнения, затрепетала, обмахиваясь сиреневыми лепестками <...>» («Шум и скандал великий»).

Растение изображается как способное к осуществлению действия (чаще – неосознанного, близкого к до-сознательному эмоциональному реагированию) по отношению к человеку и другому растению: «годами эти репы дом сторожили», «А тот, что у порога стоит, на генерала похожий, привесил на грудь мне, как близкому другу, как герою, липучую медаль» («Первое знакомство»); «<Осот> пока рос, всех своих соседей локтями расталкивал» («Всем на зло»).

Важной особенностью предмета изображения представляется изменчивость признаков растения, обусловленная сезонными циклами. Художественная картина мира запечатлевает объективные фазы роста, цветения, плодоношения, увядания (при их наличии). Сравним описание дягиля в периоды: (1) его цветения и (2) плодоношения: (1) «Великанство дягиля удивляло. Поражали и необыкновенно крупные соцветия – полупрозрачные. У них из самой головки – стебли лучиками, и на каждом размером с пятак зонтики из мелких беловатых цветков» («Великан»); (2) «Шароподобные соцветья дягиля-переростка стали сквозными, порыжели, и вместо цветков образовались монетки»

(«Осенний свет»). Традиционны при передаче сезонных изменений природы приёмы цветотописи. В воссоздании мира растений в летнюю, осеннюю поры доминируют оттенки тёплой палитры: «в поголубевших полынях зелень осок заметнее стала; шалфей удивлял лиловыми красками, и всюду лютики золотились, как звёздочки» («На нас они не похожие!»); «зоревым, алым светом зарделась осина» («На свидание с осенью»). Замечаем разнообразие лексико-грамматических средств передачи цветовых оттенков (прилагательные с первичным и вторичным метафорическим цветовыми значениями; отадективные существительные, глаголы и атрибутивные формы глагола). «Зимняя палитра» тяготеет к ахроматическому белому цвету: «склонив отяжелевшие головы в белых платках, как тётки, покоровившиеся времени, стояли лопухи и болиголов» («Усатые, полосатые»).

Обращаем внимание на некоторые типичные характеристики растений посредством номинантов в метафорической функции:

а) названия человека по его официальному или неофициальному статусу: «генерал», «хозяин» (дягиль);

б) имена, используемые в функции официального обращения: «господин» (болиголов);

в) имена, характеризующие поведение субъекта в социуме и тип характера лица: «подхалим», «приспособленец» (дурнишник);

г) имя субъекта по месту его проживания: «коренной степняк» (тысячелистник);

д) имя лица по его роли в конкретной ситуации: «захватчик» (репей), «победитель», «оккупант» (осот), «бледные и худые пленники в заточении» (травы);

е) имя-характеристика субъекта по внешним признакам: «великан», «здоровяк» (дягиль), «солнцеголовый переросток» (подсолнух), «красавица-хатма».

Данные номинанты выполняют в тексте оценочную функцию. Источником оценки в границах художественной картины мира выступают непосредственные участники художественных событий (автор или растения).

В описании конкретного растения преобладают подчёркнуто образные характеристики: «стоят кусты его <- репья> дружные, в сиреневых шапках и шишках, похожих на бигуди <...> отцепишь такую шишку, а она голубовато-зелёная, в ладно пригнанных чешуйках с сиреневой модной челкой, из душистых тычинок, на шмеля мохнатого похожая» («Первое знакомство») – сравним соответствующее научное описание данного растения: «Цветки собраны в шаровидные корзинки. <...> Все цветки трубчатые, лилово-пурпурные. Плоды – продолговатые семянки с коротким хохолком, из легко опадающих волосков.» [4].

Изображая растительный мир Подворья, автор использует приём актуализации внутренней формы слова. Сравним описание крапивы: «Стоял, любовался застенчивой (поскольку у стен растёт) знаменитой особой» («Глухая и застенчивая»). В современном русском литературном языке прилагательное «застенчивый» является непроизводным, автор же соотносит его со словом «стена», формируя неологическое значение «находящийся в стороне, у стены». Новое значение частично накладывается на общеупотребительное («застенчивый» - «стеснительный, неуверенный в общении»), в результате возникают неожиданные семантические ассоциации. В

данном случае автор сообщает производному в синхронии языка существительному внутреннюю форму.

Пример актуализации внутренней формы синхронно производного существительного: «<...> подсолнухи всю жизнь за солнцем гоняются: куда оно, туда и смотрят, и так всё лето. Даже когда дождь, тучи на небе, а они каким-то чутьём угадывают, знают, где оно прячется, и с надеждой смотрят в ту сторону: вдруг на мгновение удастся им взглядами обменяться. Потому и зовутся они не как-нибудь, а подсолнухи» («Подкидыш»). Морфемная структура слова подсказывает, что «подсолнух» - объект «под солнцем». Семантический компонент «цветок» представляется скрытым, сравним сложные существительные английского, немецкого языков с выраженным вторым корнем соответствующим семантическим компонентом: англ. sunflower, нем. Sonnenblume - «солнечный цветок». Автор актуализирует смысл «растение, любящее солнце». Текст представляет собой художественно развёрнутую ситуацию, сюжет которой запечатлевает деривационную историю слова.

Одним из приёмов авторской «игры с читателем» является эффект постепенного обнаружения субъекта. Подобный приём в художественном тексте организуется особым использованием лексических и грамматических средств. Так, в очерке «Зелёный лизун» субъект действия персонифицируется неопределённым местоимением в функции подлежащего при глаголе: «вдруг меня кто-то лизнул в щёку», далее вводится имя действия – «лизун»: «Ищу глазами, осматриваюсь. А лизун-то оказался зелёный весь» и описание субъекта: «Спрутом опутал весь забор, распустил щупальца в разные стороны, по столбам, жердям, даже на стенку соседнего сарая забрался. Ствол его гибкий и змеистый, цепкий, как кошка, и язык у него шершавый»;

«чешуйчатые колокольчики-шишечки». По совокупности перечисляемых деталей читатель угадывает в авторском описании хмель.

Образ растения детерминирует важные черты моделируемого в тексте географического пространства. Один из способов введения в текст символизма через образ растения – воссоздание ассоциативной связи с зоной его обитания: «С тысячелистником на подворье пришло дыхание знойных степей. Магический взгляд его звал туда, где много солнца, где волнуется серебро ковылей и полынные ветры рвут облака» («Коренной степняк»).

Таким образом, в изображении растительного мира Б.В.Щербаковым типично использование приёмов актуализации внутренней формы слова, эффекта постепенного обнаружения субъекта, подчеркнутой антропоморфизации. Посредством совокупности художественных способов изображения растительного мира автору удастся воссоздать оригинальную модель географического пространства, сделав его живым и эмоционально наполненным.

Библиографический список:

1. Кувшинникова О.А. Принципы изображения мира животных в книге Б.В. Щербакова «У озера звенящих колоколов» // Материалы Областной научно-практической конференции «Творчество Бориса Щербакова, Владимира Нетисова в литературном контексте региона», 10 февраля 2015 г. – Белоусовка-Усть-Каменогорск, 2015. – С.30-35
2. Щербаков Б.В. Старое подворье. – Усть-Каменогорск: «Шыгыс Полиграф», 2014. – 122 с.
3. Биологический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://endic.ru/biology/Fitocenoz-6165.html>
4. Лопух большой, или репей. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.lekarstvennie_travi/lopuh.php

УДК 81.27

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Человек на войне: эволюция мировосприятия (на материале частных писем Т.В. Антипина)¹

Person in war: the evolution of perception of the world
(based on private correspondence of T.V. Antipin)

Логунова Наталия Васильевна,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Соликамск
logunovaN@yandex.ru

Logunova Nataliya Vasilyevna,
Perm State University, Solikamsk

Мазитова Лариса Львовна,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет, г. Соликамск
mazitova-larisa@rambler.ru

Mazitova Larisa L'vovna,
Perm State University, Solikamsk

Аннотация: Материалом для анализа в данной статье послужили письма фронтовика Тимофея Васильевича Антипина, написанные им в период 1941–1945 гг. своей жене. Содержание писем позволяет проследить динамику мировосприятия автора и эволюцию его личности под влиянием исторических событий и жизненных обстоятельств, обусловленных войной.

Ключевые слова: лингвистическая персонология, естественная письменная речь, историческая языковая личность, эпистолярный текст, аксиологические приоритеты языковой личности, языковая картина мира.

Abstract: The material for the analysis in this article was the soldier's letter Timothy V. Antipin, written to his wife and dated 1941–1945 years. The contents of the letters allows to trace the dynamics of the attitude of the addresser and the evolution of his personality under the influence of historical events and circumstances of life because of the war.

Keywords: linguistic personology, natural written speech, historical language person, epistolary text, axiological priorities of the language person, language picture of the world.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Пермского края в рамках научного проекта № 16-14-59002а(р).

В рамках лингвоперсонологии, относительно нового направления в лингвистике [8; 9], исследуются разносторонние характеристики языковой личности, под которой понимается «... личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, <...> личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [4, с. 28–31]. Лингвоперсонологический подход активно реализуется в последние десятилетия при изучении языковой личности как наших современников, так и носителей языка предшествующих эпох [см., например, 2]. Для обозначения последних нами используется термин *историческая языковая личность*. При этом материалом анализа может служить любая письменная речевая продукция, однако при осуществлении лингвоперсонологического подхода наиболее информативным считается частное письмо.

Интерес к частному письму обусловлен его жанровыми особенностями в единстве «коммуникативно-прагматических, структурно-семантических и эмотивно-аксиологических свойств» [5, с. 6]. Специфика языковой формы частного письма состоит в том, что оно представляет собой текст естественной письменной речи со свойственной ей непринужденной раскованностью нарратива и, в определенной степени, спонтанностью. Перечисленные факторы и обеспечивают возможность наиболее полной реализации языковой личности, не скованной ограничивающими рамками официальной коммуникации.

В русле нашего исследования нам представляется важным мнение Н.А. Ковалёвой о том, что «[к]оммуникативные функции эпистолярия отвечают запросам эпохи и эволюционируют вместе с ней» [5, с. 6]. Именно это обстоятельство привлекает внимание исследователей к эпистолярным текстам, созданным в переломные,

насыщенные масштабными событиями эпохи. Такой эпохой безусловно является период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., изменивший не только судьбы, но и мировосприятие «военного поколения». События этих лет и их влияние на сознание людей получили отражение в художественных и документальных жанрах литературы и искусства. При этом эпистолярный фонд военных лет является ценнейшим источником непредвзятого взгляда на все происходящее с позиции носителя обыденного сознания. Можно констатировать, что в последние десятилетия возродился интерес специалистов разных гуманитарных направлений к письмам фронтовиков [1; 10; 11 и др.].

Неслучайно и в данной статье в качестве источника изучения языковой личности фронтовика привлечены частные письма красноармейца Тимофея Васильевича Антипина к жене Марии, относящиеся к 1941–1945 гг. Адресант, Т.В. Антипин, работавший на Соликамском калийном комбинате плотником и электриком, был призван в действующую армию в начале ноября 1941 года и прошел всю войну. В составе зенитных частей 1-го Украинского фронта участвовал в боях на Орловско-Курской дуге, освобождал Брянск, Украину, Прикарпатье, дошел до Берлина и Праги. В нашем распоряжении оказался эпистолярный архив Т.В. Антипина 1941–1946 гг., который хранится в Музейно-выставочном центре ПАО «Уралкалий» г. Соликамска. Из этого архива мы анализируем 150 писем периода войны. Ряд эпистолярных текстов 1945 года, отправленных Т.В. Антипиным из Австрии и Венгрии, относится ко времени после капитуляции Германии.

Анализируемые нами эпистолярные тексты, с одной стороны, отражают типичные содержательные черты фронтового письма,

позволяющие адресанту сохранять связь с далеким домом (фронтовик интересуется обстоятельствами жизни родных и знакомых, дает советы близким, сообщает о себе и об условиях фронтового быта), но с другой стороны, способ представления тем и развитие микротем высвечивают индивидуальность и, в определенном смысле, неординарность автора писем. Вместе с тем когнитивно-прагматическая составляющая его текстов во многом обусловлена характером дружески-доверительных отношений с адресатом – женой Марией. Это косвенно подтверждается совсем другими установками, отраженными в единственном в этом архиве письме Т.В. Антипина своим родителям: дискурс этого текста носит характер стереотипно-фактологического нарратива.

Сопоставляя письма Т.В. Антипина жене, написанные в разные годы войны, мы можем проследить динамику его эмоционально-психического состояния, смену настроений, изменения в мироощущении и, в конечном итоге, констатировать произошедшую в его сознании эволюцию. В самом общем виде это выражается в постепенном росте объема писем и усилении в их содержании рефлексивного блока.

Так, в первых текстах преобладает фактологический ряд, как, например, в письме от 8 ноября 1941 года:

Пишу с места. Сообщаю тебе, что как привезли в Верецагино 6/XI – 41 г. около часу ночи, а оттуда отправили в часть в ту же ночь. 7/XI нас оформили, обмыли и обмундировали. Свою одежку я сложил в мешок и отправил тебе сегодня, т.е. 8/XI. себе оставил валенки, носки 2 пары теплые, свитру, и прочую мелочь. Из нижней рубашки сшил мешок. Одели нас в белье х. бумажное, ватные брюки и фуфайки, шинели, шапки зимние и ботинки. <...> С сегодняшнего дня начинаем регулярные занятия. Живем в бараках с нарами в 2 яруса, конечно, без

*матрацов. Питание относительно Соликамска куда лучше. Сегодня получили махорки*².

Об эмоционально-психическом состоянии адресанта свидетельствуют лишь строки о трудностях адаптации в непривычных условиях:

За один день я ничему не научился, а наоборот пуще отупел. Все кому то подчиняются, друг другу приказывают, имеют разные звания – просто я смотрю на все это как баран на новые ворота. Вчера ходил на стрельбище, результат не знаю, но считаю что плохо (письмо от 8.11.1941).

В этот период Т. Антипин, по всей вероятности, не способен к рефлексии по поводу своего эмоционально-психического состояния, о чем красноречиво говорят следующие его слова:

Писать есть что много у меня тебе, Маруся, да в голове такой хаос, что мысли прыгают как у зайца и не могу себя заставить последовательности (письмо от 8.11.1941).

Мы наблюдаем полную растерянность адресанта, причину которой узнаем лишь из письма от 15 июля 1942 года. Из него выясняется, что Т. Антипин, в силу ряда заболеваний, считался не годным к строевой службе, поэтому не ожидал своего призыва в армию:

С той минуты, как мне сообщили результат осмотра на мед.комиссии я уже не был спокоен. Меня результат очень удивил тогда. <...> Была жалость к тебе, к родным, но так как срок явки, как я тогда предполагал, был далек, то горечь разлуки я старался гнать от себя мыслями, что еще это не скоро, что успею повидаться

² Здесь и далее иллюстративный материал дается с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

и поговорить с родными <...> Страх же о том, что мол убьют или ранят, не было. Это как то и не лезло в голову. Когда внезапно получил повестку, то ошеломился не хуже, чем ты тогда, когда пришла и все увидела. И горечь разлуки сжимала мое сердце всей силой. Я просто был так огорошен, что совершенно впервые минуту не знал, а что же делать, брать с собой и как поступать дальше, т.к. я и так уже к сроку опоздал. С усилием воли заставил себя очухаться и принялся лихорадочно за дело. Все из рук валилось, попадало не то, что нужно. Когда же пришла ты, то мне сделалось так тяжело, что я готов был расплакаться как девченка.

В письмах первых месяцев Тимофей делится с женой своим беспокойством, будет ли он способен *«равнодушно смотреть смерти в глаза»*, и неуверенностью, сможет ли быть на передовых позициях *«не хуже всех»*. Он остро переживает ощущение неопределенности: *«Это неопределенное положение хуже всего – где я буду завтра – не знаю, в какой род войск направят – не знаю – переписку вести нет возможности, и все ждешь, когда выкликнут твою фамилию на отправку (письмо от 14.03.1942).*

Мы понимаем, что мысленно фронтовик еще не может оторваться от дома:

Так хочется на завод, одеть промасленную спецовку, взять в руки отвертку, плоскогубцы и быть снова рабочим, снова ломать голову над каким нибудь прибором и т.д. Весь этот заводской воздух, вид закоптелых корпусов, гудки, свистки паровозов напоминают мне наш Соликамск, так ранее надоевший и такой сейчас желанный, что не опишешь словами (письмо от 17.02.1942). Ему постоянно *«лезет в голову всякая чушь от мыслей»* о жене, о родителях, о товарищах. После отбоя красноармеец Антипин думает, *«что делает Маруся в*

это время», особенно тревожит его «эта вынужденная разлука на неизвестный срок». Мечты Тимофея о возвращении домой облекаются в форму, в которой можно заметить элементы пропагандистских клише военного времени, что свидетельствует об отсутствии на тот момент у адресанта собственного эмоционального фронтового опыта:

Будем выганивать гитлеровцев, чтобы скорее снова на завод на мирное строительство, к своим женам и детям, братьям, сестрам и родителям. Это сейчас самое важное, главное. Будет, Маруся, тот день, когда уже ты и другие в газетах прочтут последнее сообщение Совинформбюро о полном разгроме фашистов и если я буду жив, то будет тот день когда ты приедешь меня встречать на станцию, где ты меня проводила и уже не будет сжиматься сердце от тоски, а будет радость...(письмо от 17.02.1942). Событийный же нарратив писем Т.В. Антипина на протяжении почти всего первого полугодия военной службы весьма ограничен: отсутствуют какие-либо описания своего участия в боевых действиях, информация об условиях фронтового быта очень скупа, нет подробных сведений о погоде и развернутых пейзажных зарисовок.

Сравнение первых фронтовых писем Т.В. Антипина и последующей его переписки позволяет наблюдать поэтапный характер эволюции его мировосприятия.

Заметный перелом в мироощущении Тимофея Антипина относится к весне 1942 года (примерно через полгода после его призыва в действующую армию). С этого времени он начинает оценивать мирную жизнь глазами фронтовика, наблюдавшего последствия гитлеровской оккупации:

Я, Маруся, вижу здесь людей, которые в настоящий момент нужду имеют очень большую. Это люди, которым фашисты вместо

крова оставили небо и пепелища, вместо одежды, пищи – надругательства, а нередко и пулю или еще чего похуже. Я, Маруся, забыл как выглядит деревня наша настоящая не опоганенная немцами, вижу везде, где успел побывать немец одни трубы и головешки, да балаганчики, в которых вынуждены ютиться несчастные обездоленные жители. Тяжела война там в тылу, но что видели и вытерпели эти мученики по сравнению с тем что приходится на долю глубокого тыла, никак не сравнить (письмо от 23.05.1942).

С одной стороны, он отмечает развившееся у себя «любопытство о людях и их жизни», а с другой – описания его чувств и состояния носят пока еще констатирующий характер: *Вспоминаю и мечтаю о прошлом и неизвестном будущем (письмо от 23.05.1942); мыслей и желания поговорить с тобой целая гора. Ты интересуешься моими чувствами во время отъезда. Об этом писать нужно много – сейчас нет времени. Но знай же и мне было не легко тогда, как не легко и сейчас, даже думаю, что тяжелее чем тебе. Не обижайся, конечно. Это так. Можешь понять это с того, что с тех пор у меня не было еще такого дня в этих 7-8 месяцах такого по настроению и душевному равновесию, каковы были из любых самых паршивых дней там у себя дома (письмо от 26.06.1942).*

Об отсутствии в это время душевного равновесия у Тимофея свидетельствует следующая его фраза: *Природа красива, но она слишком берedit сердце, хорошо что некогда много любоваться ею (письмо от 23.05.1942).*

Летом 1942 года в письмах Антипина становятся заметными признаки того, что он наконец осмыслил свою роль в происходящих событиях, принял ее и готов к выполнению своей миссии.

Доказательством этого можно считать появление в его рассуждениях о военных событиях сугубо личностных мотивов:

Какова будет участь твоего мужа <...> покажет будущее. Но и ему придется скоро биться. Хватит отдохнули, накопили сил, подучились – надо скорее очищаться от фашистской грязи, а то она уже надоела так, как чирей на мягком месте, на которое садятся (письмо от 4.07.1942).

Внутреннее равновесие, обретенное им, привело к сбалансированности мыслей и чувств, вследствие чего природа вновь занимает свое место в его эмоционально-когнитивной сфере и становится заметной темой в его переписке с женой:

Сейчас, когда я пишу эти строчки, ветерком разогнало тучи с неба и прогревает вечернее солнышко. Красивый вечер. И место, где мы располагаемся красивое. Я сейчас после поста отдыхаю в поле, недалеко от нашего лагеря. Все существо соскучилось по солнцу. С 10 июня шли дожди с ветрами и надоели не хуже немца. Неужели и там такая погода была. Уже 4 июля, а мы еще лета не видели. Сейчас же солнце расшевелило природу. Птицы, особенно соловьи наполняют своим пением рошу. Где то за рощей в деревушке кричит петух – видимо не успели немцы сожрать (письмо от 4.07.1942);

Я люблю природу. Леса, поля, луга и реки летом-ли, зимой-ли, или весной или осенью имеют своеобразную красоту в любую погоду. Даже в самые острые моменты моей жизни здешней вспоминаются на фоне того или иного пейзажа, виденного в тот момент. Я исключительно ярко помню тот момент, когда впервые подходили мы к линии фронта. Был вечер. Солнце только что скрылось за гребнем леса и заря полыхала по небу кровавым полымем. Жгучий мороз целовал за щеки, нос, уши. <...> Не успела потухнуть заря, как большая, круглая луна

осветила все своим холодным, мертвенно-бледным светом. Лес, покрытый снегом и освещенный луной, казался одетым в серебро и был чарующе красив (письмо от 12.10.1943);

Сегодня первый день у нас похож на осень. Все стояла хорошая, ясная погода, а сегодня проснувшись утром я еще в постели почувствовал, что на дворе сыро. Небо заволокло серыми тучами, морозящими на землю мелкий дождь. Ветра нет и тучи окаменев свинцовой палаткой недвижимо и равнодушно висят над миром, продолжая с нужной постоянностью брызгать своим дождем. Начинаящий желтеть лист на деревьях тоскливо и безмолвно висит не шелохнувшись, безнадежно подставив свои щечки под удары капелек. Струйки накопившейся воды стекают по затуманившемуся оконному стеклу как слеза, оставляя за собой извилистый след. Мухи, предчувствуя неизбежную гибель, сонно перелетают с предмета на предмет и словно оцепенев подолгу стоят на одной точке (письмо от 10.09.1945).

Представления Тимофея о будущей мирной жизни все больше начинают наполняться конкретным содержанием, вытекающим из впечатлений и переживаний:

Поле, на котором я сижу, ничем не засеяно и проросло сорняком. Этот факт скребет сердце. Ничего, скоро опять все поля будут колоситься и вот эти окопчики и блиндажи около опушки рожи только будут говорить о том, что здесь когда то были люди, которые копали землю не для того чтобы сеять зерно, а для того чтобы сеять металл (письмо от 4.07.1942).

Воспоминания Тимофея Антипина о довоенной жизни и работе постепенно не только обретают конкретику, но и получают новое осмысление:

Вспоминается последнее время пребывания моего в техконтроле и вообще совместная работа с Павлом Васильевичем и другими. <...> я живо вспоминаю его манеру говорить, его глубокие глаза, манеру держать себя, и грешен, завидую ему, что он возится со всеми теми интересными, сложными приборами и аппаратами, кои я успел полюбить. Соликамск, Соликамск! ведь и место то неказистое песок, да ветры, грязь и вонь рудничная и заводская, а вьелся он мне в сердце как образ любимой и кажется нет милее и желаннее этого городишка нигде. С каким бы я сейчас удовольствием прошелся по руднику, по цехам и подстанциям. И та работа, которая раньше мне не нравилась, как например, лезти на столб и распутывать гнилые провода в дождь ли в слякоть или мороз, сейчас кажется приятней приятного. Ох и соскучился я по плоскогубцам, по контрольной лампочке и замасленной спецодежде. И воздух рудничный кажется сейчас приятней запаха цветов (письмо от 21.07.1942).

Картины прошлой частной жизни предстают в переписке как калейдоскоп «лучших минут пройденной жизни»:

Невольно вспоминаются наши лучшие дни вместе, сердце так бьется усиленно, как тогда, когда я впервые разговаривал с тобой у окна в коридоре дома энергетиков. Помнишь ли ты те дни и помнишь ли ты мое тогдашнее отношение к тебе? Полагаю, что помнишь. До того момента я вел беспутную жизнь, ты сама это отлично знала, знала и то положение в которое я попал. Когда же волею судьбы ты встретила на моей дороге жизни я мгновенно сердцем своим почувал, что ты тот человек, которого ищет мое сердце. Твои замечательные карие глаза говорили мне о твоей чистоте и добродетели. Я тебе тогда у окна откровенно сознался, что я есть и свои сокровенные желания. С тех пор я преобразил свою жизнь и мне казалось, что я

возле тебя очищался от прошедшей нечисти <...> С каждым днем росла моя любовь к тебе. Те трудности, которые встречались уже при нашей совместной жизни убеждали меня, что я ничуть не ошибся выбрав тебя (письмо от 6.01.1943).

Мысленно перенесся туда, к тебе. Вспомнилось, как мы иногда окончив вечернюю смену, возвращались домой в 36 домик, долго сидели на крылечке или открыв окно комнаты, садились на подоконник, и вели пустяковые разговоры, мечтали о чем то приятном вслух. Тогда были такие же вечера, вернее ночи, и нам было приятно и грустно обоим (письмо от 6.04.1943).

С этого времени (с лета 1942 года) Тимофей рассматривает свою переписку как возможность облегчить свое душевное состояние, поделившись с близким человеком своими переживаниями: *Как-то так получилось, что и дела много и делать нельзя – мешает дождь, а поэтому имею невольно время, нельзя сказать свободное, но какое то пустое и на душе тоже как то пусто, тоска жмет сердце как в тисках и я решил хоть отвлечь внимание от этой неустроенности письмом к тебе, выложить часть своих чувств и мыслей на бумагу и послать тебе, Маруся. Может быть от этого будет легче мне, может та тяжесть тоски разделится хоть частично (письмо от 15.07.1942).* Эта интенция становится устойчивой во всей последующей переписке, именно поэтому увеличивается объем его писем и в нарративе нарастает рефлексрующий компонент.

Через полтора года фронтовой службы Тимофей Антипин осознает произошедшие в нем личностные перемены:

Про себя я скажу, что в настоящий момент я гораздо спокойней чем был дома. Приходилось видеть картины жуткие. Привык ко всему.

Выработалась такая тенденция – будь что будет одним двух смертей не бывает, а одной не минуешь (письмо от 9.02.1943).

С определенного времени (август 1943 года) письма Т.В. Антипина начинают обретать форму дневниковых записей – с их политематичностью, детальностью описаний, глубиной осмысления ситуаций, с контекстами философско-онтологического и философско-аксиологического характера. Поскольку нам известно, что автор писем был участником боев на Орловско-Курской дуге, мы можем соотнести эти перемены в характере его текстов с соответствующими событиями и их влиянием на его сознание.

Становятся заметными перемены при описании природы и фронтового быта: и та и другая темы обретают развернутый характер и «обрастают» деталями. К подробному изображению природы адресант обращается, когда состояние природы гармонирует с его настроением – и хорошим, и плохим. А детализация описаний фронтового быта обнаруживает интенцию создания у адресата эффекта присутствия: Тимофею хочется, чтобы жена увидела землянку, самодельную коптилку, чернильницу, сделанную из немецкого снаряда, и самого Тимофея, который, *«усевшись по восточному калачиком на нарах, застеленных соломой, подложив под лист дощечку, пригибаясь к лампе»*, усердно выводит *«эти каракули»* (письмо от 14.12.1944).

Об изменении в мироощущении Т. Антипина свидетельствует прежде всего смена его установок при описании боевых действий и эпизодов войны. Во-первых, он наконец нашел в себе силы подробно описать свои первые фронтовые впечатления:

...Декабрь 41 года. Мы высадились из теплушек на маленькой станции Калининской области. В новеньком обмундировании, с новенькими винтовками, с патронташами, набитыми туго

патронами мы быстро с каким-то непонятным чувством новизны обстановки, двигались к фронту. Первая встреча с ранеными и теми бойцами, которые уже были «там». Разве война могла мне так представиться в том виде, какова она есть в действительности до того, когда я еще не был на фронте? Нет, конечно. Я ее представлял с треском, с блеском, с музыкой, в розовом свете. Естественно, что вид тех, кто побывал уже в переделке меня изумил и немного ошеломил. Встречались люди с какими-то серыми лицами, обросшими и осунувшимися, в грязных опаленных у костров шинелях, валенках, шагавших так устало, как будто во сне. А дальше, почему-то голые трупы немцев, раскиданные на снегу в невозможных позах, отливающие при лунном свете ночи бронзовым светом. Первое боевое крещение под Калинином на реке Волге. Почему-то мне кажется, что никогда не было столь светлых лунных ночей, сковывающих своим мертвенным светом и морозом тело, даже дыхание. Я не могу иначе вспомнить тот период, как в искристом сиянии белого крупинками снега, лес и кусты, окутанные инеем и легкие узоры облачков плывущие по освещенному луной небесному пространству, kloкочущий звук полета снаряда, золотой пунктир трассирующих пуль и яркий, соревнующийся с луной свет ракет, вспыхивающих на всем протяжении обороны. Леденящий кровь в жилах мороз, крайнее утомление, желание хотя бы мало-мальски пригодного жилья, где бы можно было отогреться и поспать хотя пару часов... (письмо от 9.10.1944).

Во-вторых, в его письмах стали появляться рассказы о подробностях опасных эпизодов фронтовой жизни:

При выполнении одного задания, мы, группа человек в одиннадцать, были отрезаны противником и находились у него в тылу

дней восемь. <...> Об этих восьми днях я расскажу, когда буду дома, а сейчас я просто спокойно не могу об этом вспоминать. Достаточно сказать то, что в последний день окружения мы бились в одном селе семь часов без перерыва, израсходовали все свои боеприпасы и оружием пользовались как дубинками. Не могу поверить, что я жив и выбрался к своим. Нас было очень мало, но немцы будут помнить долго – не мало их полегло от наших пуль и прикладов (письмо от 8.04.1944).

Неделю назад я был у Днестра. Пробиваясь верхом на лошади через ужасную мять, какой я еще не видел в жизни, к назначенному пункту, я чуть было не погиб из-за этой мяти. Я ехал степью, т.к. дороги вообще не было видно. И не только дороги, но не видно было от себя за полсотни метров, кроме снежной пелены ничего. Лошадь моя не хотела идти вперед и я с трудом ее погонял. Получилось то, чего я не хотел. Лошадь моя провалилась в какую-то яму и сломала ногу. Бедное животное смотрело на меня так жалобно, что я хотел ее застрелить, чтобы не мучилось, но в этот момент заметил, что в полтора-два метра примерно двигалась колонна немцев пеших и конных. Чтобы не выдать себя я тихо отошел в овраг и почти ползком, т.к. ноги не достигали из-за снега земли пополз к своим... (письмо от 9.04.1944)

Числа 23 или 24 точно не помню мы по ошибке на автомашине въехали в село занятое еще немцами. Нас обстреляли из пулеметов и пушки. Но шофер сумел быстро развернуться и дал полный газ обратно. Одного убило, одного моего товарища ранило. С меня осколками сбило шапку, но остался цел. И уже с 27 марта я был действительно в пекле. Как мы дрались – словами не опишешь. Можно представить, что не имея патронов во автоматах мы заставили немцев занимающих оборону бросать минометы и др. оружие и

бежать, которым удалось, большинство же было перебито. Этот день – 5 апреля я не забуду никогда (письмо от 17.04.1944)

Делиться своими впечатлениями с близким человеком, вероятно, позволяет ему приобретенная уверенность в себе и сформировавшаяся за эти годы стрессоустойчивость. Строки его писем показывают, что в условиях войны у фронтовиков вырабатывается способность сохранять жизнелюбие и оптимизм в условиях ежеминутной смертельной опасности. Глядя на своих однополчан, работающих на строительстве походной столовой, Антипин пишет:

Разгоряченные, молодые парни работой, с возбужденными лицами весело перешучиваются между собой. Какие славные ребята! Ведь о каждом, наверное, вспоминают дома с замиранием любящие сердца. С нетерпением ждут хоть маленькой весточки «от него». А он, гордый в своем сознании молодой, бурлящей энергии, рвущейся на волю, полный сознания правоты, собственного достоинства на минуту забыл, что может быть горячий металл поцелует его без остатка и успокоит его неукротимую энергию. Нет, они об этом не думают сейчас и вообще не любят об этом вспоминать (письмо от 22.11.1943).

О наиболее глубоком влиянии на личность человека на войне говорят изменения в его личностных аксиологических установках. В одном из писем Т. Антипин рассуждает о таких переменах в его собственном сознании:

Привычка к опасности смерти не рождает скуки, а каждый такой опасный случай дает толчек в твоём организме к новым чувствам, дает толчек к мыслям о красоте и цели жизни, возвышает любовь. В бою, если ты равнодушен к собственной жизни, равнодушен к исходу предпринятой операции, к взаимоотношениям

с товарищами. Тогда же часто приходит в голову мысль о своих дурных поступках в прошлом, о грешках с близкими и пр. и часто даешь себе слово никогда так не поступать, но что снова забывается в скуке однообразия мирной (относительно) жизни (письмо от 21.02.1944).

Находясь на волоске от смерти, Тимофей в своих письмах неоднократно обращается к теме жизни и смерти – иногда одной или несколькими строками (*Очень хочется жить* (письмо от 9.04.1944); *Жизнь бывает только раз, а молодость одно мгновение* (письмо от 28.10.1944); *В годы неудач я не боялся поставить точку над жизнью. Мне ее не было жаль, а только невыносимо тяжело было переносить те страдания и трудности, в которых мы находились. Сейчас я хочу жить, хочу, чтобы жизнь была снова полной, интересующей и веселой и как можно скорей* (письмо от 5.06.1944)), – иногда в форме развернутого рассуждения:

Пишешь, что жизнь прервана на самом интересном месте. С этим я в корне не согласен – жизнь только начинается! Вернее, только сейчас я по настоящему начинаю понимать – что такое жизнь. Раньше она казалась простой, доступной и не совсем красивой. А сейчас она выглядит в ином свете – чтобы жить и наслаждаться жизнью, надо завоевать на это право, чтобы себе было не совестно в конце дней жизни, чтобы не мучил вопрос а что же я сделал за всю свою жизнь полезного, да не коптил-ли я белый свет зря? Если и случится, что в борьбе за право жить себе и другим, падешь, не увидав и не дождавшись ни жены любимой, ни детей, то никто не посмеет сказать, что пустой был человек. Сознание выполненного долга поднимает тебя в собственной оценке, осознание собственного достоинства украшает жизнь. Таковы мои понятия (письмо от 12.08.1943).

Знаменательно, что это письмо написано Антипиным сразу после боев на Орловско-Курской дуге.

Приведенные контексты из писем Т. Антипина показывают процесс осмысления, а возможно, и переосмысления им нравственных принципов, представлений о жизни и ее уроках. Мы видим, что у Тимофея появляется взгляд на войну как на гуманитарную катастрофу. Несмотря на то, что красноармеец Антипин наверняка находится под прессом советской антифашистской пропаганды, он не может воспринимать солдат противника только как врагов, которых надо уничтожить. В одном из своих писем он проводит прямую параллель между ощущениями своими и тех солдат, которые укрываются в окопах противника:

А там, за сизой дымкой вдоль маленькой речушки проходит линия фронта на сегодня. Из наспех выкопанных окопчиков торчат верхушки металлических касок, да стволы винтовок, автоматов, морды пулеметов. Тысячи пар воспаленных глаз уставились на тот берег, где в таких же окопах сидят существа, проклятые стариками, детьми, девушками, называющие себя арийцами – людьми высшей расы, освободителями (кого и от чего?). Смотрят и выжидают. А потом начинают рваться над головами снаряды, мины, бомбы, с ревом и грохотом выскакивают танки, самоходные орудия и люди в серых шинелях с этой стороны речушки и в зеленых шинелях по ту сторону, вытягивают головы в плечи, стараясь сжать себя в крохотный комочек, чтобы спрятать, укрыть себя от этого ада. Сквозь грохот ада не слышны предсмертные крики людей, но в перекошенных смертной мукой лицах можно прочесть проклятие Гитлеру, затеявшему эту бойню (письмо от 01.08.43).

Выходя из боев, фронтовики видели жизнь людей на освобожденных, а затем и на завоеванных территориях, и уклад этой жизни мог быть совсем не похожим на привычный для них. Свойственная Антипину природная наблюдательность позволяла ему видеть и отмечать все особенности, которые демонстрировали природно-бытовую и культурно-этнографическую специфику территорий. На фоне новых впечатлений он особенно остро ощущает любовь к своей малой родине, Уралу, с его бескрайними просторами и первозданными пейзажами, и осознает чужеродность иного природно-культурного пространства:

Я бы никогда не согласился и дня пробыть здесь, если бы на это требовалось только мое согласие. Порою становится противным все. Здесь нет уголка, где бы человек не приложил рук, все приспособлено для интересов хозяйства, все ограничено в рамки экономики и вместе с тем какой-то солидной прочности на большое время. Невольно ощущаешь себя замурованным при виде множества кирпича, камня и железа. Война зло надсмехалась над этим излишним порядком. <...> Если добавить к этому еще об аллеях с точно рассаженными деревьями и замусоренными различным военным барахлом: немецкими учебными патронами, стружкой из тюфяков, старыми фуражками, гранатами, минами и прочей рухлядью – картина становится совершенно ясной и полной. Когда-то я любил помечтать в уединении, при чем, чтобы взор мой не касался того что сделано грубо человеком. Пейзаж природы даже нашей суровой уральской – красивей чем любой, искусственно созданный. <...> Я не дождусь кажется минуты, когда б можно было стрелою помчаться туда, на свой родной Урал, побродить по дебрям северных лесов, по речушке Язве, забраться где нибудь в малинник или за грибами. А вы все словно

рехнулись давай вам юг. Нет, вы еще не знаете, что такое тоска по родному краю! (письмо от 15.08.45).

С приближением конца войны, а значит и момента возвращения в мирную жизнь, в письмах Антипина появляются свидетельства того, что он начинает осмыслять проблемы, с которыми ему, как и другим фронтовикам, придется столкнуться дома. Он предполагает, что у них могут возникнуть трудности с адаптацией к условиям мирной жизни. Это касается возвращения как в профессиональную среду, так и в семейную жизнь:

Мы часто говорим между собой о том, что все оставшиеся там приобрели большой опыт в работе, устроились в тепленьких местечках, а нам придется, когда вернемся ломать перед ними шапки, да подносить ключи и быть подтиралами. За четыре года войны многое забылось. Как-то нас встретит администрация завода, коллектив (письмо от 26.07.45);

Почему то у меня создалось впечатление, как много я отстал по всем видам от тебя. Ты представилась для меня вполне зрелой и такой толковой, что я невольно оглянулся в прошлое свое, сравнивая свое я сейчас и тогда, и нашел, что я не только приобрел, а наоборот многое потерял. Что ж, практика то жизни у меня большая, но слишком грубая. Шлифовать будем после (письмо от 06.09.45).

Таким образом, вся совокупность изученной переписки фронтовика Тимофея Антипина позволяет увидеть, как он сам об этом пишет, «разницу между Тимофеем-41 и Тимофеем-44», а еще больше – между новобранцем и победителем (Тимофеем-45). Мы наблюдаем поэтапный процесс возмужания юноши и превращения его в мужчину-воина. Но характер произошедших с ним изменений таков, что это не просто обретение ряда качеств, необходимых человеку на войне, а

подлинный концептуальный сдвиг в его когнитивной сфере. По нашему мнению, он обусловлен взаимодействием трех факторов. Первый фактор – это черты самой личности автора писем: наблюдательность и любознательность, склонность к рефлексии и саморефлексии, высокий исходный уровень речевых компетенций – как элементарных, так и текстопорождающих. Второй фактор – это те масштабные исторические события, в которые он оказался вовлечен. Третий – сам процесс порождения эпистолярного текста дневникового характера. Последнее обстоятельство способствовало углублению когнитивной деятельности языковой личности адресанта, поскольку известно, что сам процесс вербализации является одновременно и процессом порождения, уточнения, оттачивания мысли. В свою очередь, интеллектуальный рост языковой личности сказывается на качестве порождаемого ею эпистолярия, который приобретает композиционную стройность политематичных текстов, богатство деталей в описаниях, логичность изложения и точность аргументации, гармоничность используемых лексико-стилистических средств. Таким образом, тексты Тимофея Антипина обладают признаками яркого идиостиля.

Библиографический список:

1. Иванов А.Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник (по материалам Республики Татарстан): дис. ...канд. ист. наук: 07.00.09. – Казань, 2009. – 249 с.
2. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского

государственного университета. – 2010. – № 4 (12). Филология. – С. 24–32.

3. Калёнова Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистики // [Rhema. Рема](#). Московский педагогический государственный университет. – 2013. – № 1. – С. 80-87.

4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 262 с.

5. Ковалёва Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2002. – 537 с.

6. Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. О понятии «естественная письменная речь» и перспективах ее изучения // Материалы Международной научной конференции «Проблемы динамической лингвистики», посвященной 80-летию профессора Л.Н. Мурзина, 12-14 мая 2010 года; ПГУ, Пермь, 2010. – С. 395-401.

7. Логунова, Н.В. Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: материалы и исследования: монография / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Л.М. Пантелеева; науч. ред. Н.В. Логунова. – LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2017. – 284 с.

8. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Сб. науч. тр. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – С.112–116.

9. Плесовских Т.С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. – 2014. – Вып. № 4 (4). – С. 173–179.

10. Старостин К.А. Письма фронтовиков как объект лингвистического исследования // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 165–177.

11. Сухотерина Т.П. [Фронтное письмо как жанр естественной письменной русской речи](#) // [Мир науки, культуры, образования](#). – 2014. – №4 (47). – С. 249-251

УДК 811.16

Малышева М.К. К вопросу о словообразовании этимологических наречий

On the question of word formation etymological adverbs

Малышева Марина Константиновна,
Магистрант кафедры филологии и массовых коммуникаций,
Нижевартовский государственный университет
Malysheva Marina Konstantinovna,
Graduate student Department of Philology and Mass Communications
Nizhnevartovsk State University

Научный руководитель:
Коростелева Л.В., канд.филолог.наук, доцент кафедры филологии и
массовых коммуникаций
Нижевартовский государственный университет
Korosteleva L.V. Candidate of Philology, Associate Professor of the Department
of Philology and Mass Communications
Nizhnevartovsk State University

Аннотация: Статья посвящена вопросу словообразования этимологических наречий. То есть таких наречий, чье значение, а также написание обусловлено происхождением. Понимание признаков старославянского заимствования и процесса словообразования способно облегчить понимание и написание наречий.

Ключевые слова: наречие, этимологические наречия, старославянские заимствования, словообразование наречий.

Abstract: The article is devoted to the word formation of etymological dialects. That is, such adverbs, whose meaning, as well as writing is due to the origin. Understanding the signs of Old Slavonic borrowing and the process of word formation can facilitate understanding and spelling of adverbs.

Keywords: adverb, etymological dialects, Old Slavonic borrowings, word-formation of adverbs.

В словообразовательном плане наречия очень разнообразны: наряду с непроизводными наречиями существует многочисленная группа производных наречий, образованных самыми разными способами от других частей речи. Процесс перехода различных частей речи в разряд наречий является продуктивным, что обуславливает сложность правил их правописания по сравнению с правописанием других частей речи

Однако остается достаточно большая часть слов, правописание которых нужно только запоминать, типа «вдребезги», «насмарку», «вдосталь». Часто лексическое значение таких наречий недостаточно понятно, так как они имеют древнерусские или старославянские корни. Это закрытая группа наречий с затемненным смысловым значением, потому что мы забыли или не знаем их лексического первоначального варианта. Ученые (Л.В. Успенский, Е.И. Янович, А.К. Коневецкий) называют их этимологическими [4, 8, 9].

Выделяют несколько групп наречий, которые по способу словообразования соответствуют словообразовательным нормам современного русского языка.

Ещё в XIX веке лингвист А. Шлейхер заявил о необходимости создания словаря всех слов славянского происхождения, который дал бы возможность судить о составе и объеме общеславянского лексического фонда [1]. Его поддержал академик И.И. Срезневский, призывая «начать систематический подбор материалов для общеславянского языка» [7]. Но расцвет сравнительно-исторического языкознания приходится только на конец XIX века. В XX веке появилась книга «Введение в языкознание» А.А. Реформатского (1960 г.) [5]. В разделе о диалектологии он написал, что «наряду с диалектами, служащими разговорным языком, для государственных нужд требовался ещё общий язык» [5]. Это место занял старославянский язык, который был близок к древнерусскому, тем не менее, сильно отличался. В дальнейшем старославянский язык влился в русский литературный язык и создал особый слой высокого стиля, в лексическом составе которого немаловажную роль играли наречия, образуя солидную по составу группу среди остальных частей речи и

являясь наиболее трудной по написанию. Уже само понятие наречия неоднородно.

Наречия выражают грамматическое категориальное значение признака действия, состояния или другого признака. Они не изменяются по родам, числам, падежам. В словообразовательном плане наречия очень разнообразны: наряду с непроизводными наречиями существует многочисленная группа производных наречий, образованных самыми разными способами от других частей речи. Процесс перехода различных частей речи в разряд наречий является продуктивным, что обуславливает сложность правил их правописания по сравнению с правописанием других частей речи.

Если понимать первоначальный смысл этимологических наречий, можно заключить, что их словообразование поддается систематизации и упрощает вопрос об их правильном написании.

У старославянских заимствований имеются характерные фонетические, словообразовательные и семантические приметы. К фонетическим приметам относятся:

1. неполногласие, т. е. -ра, -ла, -ре, -ле между согласными: млеко-молоко, младость-молодость, чреда-череда, брада-борода;

1. ра-, ла- в начале слова; раб, ладья;

2. сочетание жд - одежда, между, надежда;

3. согласный щ на месте русского ч: ночь, дочь;

5. гласный е в начале слова: един.

Словообразовательные приметы:

1. приставки воз-, из-, низ-, чрез-, пре-, пред-, вое-: чрезвычайный, чрезмерный, преступить, излагать;

2. суффиксы -стви, -ени, -ани, -знь, -त्व, -ч(ий), -ущ, -ющ, -ащ, -ящ: пришествие, моление, терзание, казнь, молитва, кормчий, ведущий, разящий;

3. сложные основы: суеверие, богобоязненные, чревоугодие, благонравие [3].

Таким образом, можно выделить несколько групп наречий, которые по способу словообразования соответствуют словообразовательным нормам современного русского языка.

I группа – наречия от существительных с предлогом, которые принято писать раздельно, так как они начинаются с гласной:

- без умолку – от существительного «умолк» в родительном падеже, вышедшего из употребления в современном языке;
- без устали – от существительного «усталь», до сих пор сохранившегося в диалектах [6].

II группа – слитное написание наречий, образованных путем сращения или слияния предлога с существительным:

- вдосталь – от существительного «досталь» в значении «достаток», с предлогом;
- вдребезги – сращение предлога «в» с формой существительного в винительном падеже множественного числа; «дребезг» - осколок, черепок, во многих диалектах еще употребляется;
- вдруг – образование восходит к древнерусскому: въ съ другъ, т.е. немедля, тотчас;
- взаперти – образовано путем сращения предлога «в» и существительного «заперть», производного от глагола запереть;
- впуски – образовано путем сращения предлога «в» и существительного «запуски» (существующего еще в диалектах), а основой послужил глагол «пускать» (пущати);

- вкось – образовано путем сращения предлога «в» и существительного «кось», т.е. кривизна;
- вкривь – сращение предлога «в» и существительного «кривь», т.е. неправда, кривизна;
- вкупе – сращение предлога «в» и существительного «купа», т.е. толпа, куча; вместе – сращение предлога «въ» и существительного вин. падежа «мъстью»;
- внутрь – сращение предлога «вън» и существительного жтръ, т.е. внутренность, утроба (оба - суффикс, Qtro - внутренность)
- внутри – то же, что и «внутри», только существительное предл. падежа;
- вопреки – слияние предлога «въ» и формы винительного падежа существительного «пръкъ» – спор, запрет, препятствие;
- вотще – слияние въ тыще (т. е. напрасно), произошло от «тщета»;
- впереди – слияние предлога с формой существительного «передь», т.е. передняя часть;
- вплоть – сращение предлога с существительным «плоть» (тело) винит. падежа;
- впопыхах – слияние предлога и существительного «попых», т. е. спех, торопливость;
- впредь – слияние предлога «в» и существительного «пръдь»;
- впросак – сращение предлога и формы винит, падежа существительного «просак», т.е. прядильный станок; вскользь – сращение предлога «в» и существительного «скользь»;

- второпях – слияние предлога «в» с формой предложного падежа существительного «торопь», т. е. поспешность;
- исподволь – образовано путем сращения сложного предлога «из-под» и существительного в форме родительного падежа «воли»: из-под-воли (гласный звук на конце утерян в результате редукции);
- исподтишка – сращение предлога «из-под» с существительным «тишок» (тишькѣ);
- испокон – «покон» означает «обычай», из-покона – испокон (оглушение согласного);
- кстати – слияние предлога «к» с формой дательного падежа от «стать», т.е. склад, стан;
- набекрень – сращение предложно-падежной формы «на бекрень»;
- наверняка – слияние предлога «на» с существительным «верняк»-верный- вера;
- навзничь – переоформление наречия «навзначь» под влиянием слов «нищ, ничком»;
- накануне – возникло из «на канунъ» (в предыдущий день);
- наобум – возникло путем префиксации слова «обум» (зря, наудачу), которое произошло от сочетания «об ум»;
- насмарку – слияние предлога «на» и существительного «смарка» – стирка, чистка;
- настезь – слияние предлога «на» и существительного «стежь» – крюк, столб;
- настороже – слияние предлога «на» и существительного «сторожа», т.е. караул;

- нахрапом – «нахрап» означает «сила», употреблено в творительном падеже;
- начеку – слияние предлога «на» и формы предложного падежа существительного «чек», т.е. стража, ожидание;
- невоготу – сращение сочетания «не в моготу», где могота – это сила, мочь, возможность;
- обратно – производное от старославянского «обратити», т.е. возвратиться [6].

Итак, самым продуктивным способом образования этимологических наречий было, слияние предлога с существительным или с формой какого-либо падежа существительного, т.е. предложно-падежная форма, чаще всего местного падежа.

Перечисленные наречия писались слитно и несколькими веками раньше (некоторые из них упоминались в памятниках XIV и XV веков) и в такой форме представлены и в современном русском языке [2].

III группа - наречия, образованные от местоимений и числительных:

- везде – образовано от местоимения вьсь (весь) с помощью наречного суффикса – де; сначала звучало как «вьсьде», но в результате озвончения «с» перед «д» появилось слово «везде»;
- весьма – образовано от местоимения «весь» при помощи наречного суффикса – ма;
- всюду – образовано от местоимения «вьсь» при помощи суффикса жду;
- дважды – сочетание «дъва» и «шъды» обозначало «два шага», путем сращения «дъвашъды» и утраты редуцированных, а также замены шд на жд стало читаться как «дважды» [6].

Эта группа наречий малочисленна, менее продуктивна, но правописание сохранено почти без изменения.

IV группа – наречия, образованные от прилагательных:

- вкратце – сращение предлога «в» и прилагательного «кратъкъ», после падения редуцированных и изменения $\text{ъ в е, к} > \text{ц}$ стало звучать как «вкратце»;

- иначе – образовано с помощью суффикса $-\text{j-}$ от иначе (по-другому), что в свою очередь является производным от «инакъ» – «другой»;

- непременно – от старославянского прилагательного непрѣмѣньный (неизменный, постоянный);

- особенно – от старославянского прилагательного «особьный», отдельный;

- откровенно – производное от старославянского прилагательного открѡвенъи , т.е. откровенный, что, в свою очередь, произошло от причастия открыти;

- пасмурно – от старославянского прилагательного «смурый», т.е. ненастный, пасмурный;

- прозрачно – от старославянского прилагательного «зрачный», т.е. видимый;

- свирепо – от древнерусского прилагательного сверпыи (дикий); с помощью суффикса [б].

В этой группе наречий от прилагательных тот же способ образования: сращение предлога с формой прилагательного (сравните: впустую, вкрутую, вслепую, вничью). Однако существуют наречия, образованные суффиксальным способом и в «древних» языках не существующие, например: $\text{смурый} > \text{пасмурный} > \text{пасмурно}$; $\text{зракъ} > \text{зрачный} > \text{прозрачный} > \text{прозрачно}$.

То есть от старославянского прилагательного образовано современное, а от него – наречие суффиксальным способом.

V группа – наречия, образованные путем сращения слов или предложно-падежной формы:

- восвояси – сращение в одно слово словосочетания «во своя вьси», т.е. в свои деревни, домой;
- всегда – образовано сложением все и суффикса гда> кьда;
- всуе – слияние «въ суе» (напрасно);
- втуне – слияние «въ туне» (напрасно, даром);
- завтра – сращение предложно-падежной формы «за утра»;
- запанибрата – сращение предлога «за» со словом «панибрат», т.е. ровня, друг;
- издревле – слияние предлога «из» с наречием «древле», т.е. прежде, некогда;
- мимоходом – сращение слов «мимо» и «ход», мимоходь - это прохожий, чужой;
- неужели – сращение частиц не, уже и ли;
- первоначально – сращение пьрво (сначала, прежде) и зьданныи (созданный);
- рукопашную – от существительного «рукопашь», что явилось сложением основы слова «рука» и «пашь» (махание);
- тихомолком – сложение наречий «тихо» и «молком», где «молк» - молчание;
- чересчур – образовано путем сращения сочетания «через + чур» (граница, край);
- сейчас – сей (этот) с существительным «час»;
- тотчас – тот (местоимение) с существительным «час» [6].

Интересны древнерусские образования наречий на -мя (торчмя, плашмя, лежмя, стоймя), хотя трудности в правописании они не представляют.

В древнерусском языке использовался и морфолого-синтаксический способ образования наречий на базе творительного падежа существительного: пешком, силком, молчком, тишком, торчком, мельком.

Таким образом, попытка систематизации этимологических («древних») наречий может сделать их правописание более прозрачным, чтобы меньше слов приходилось заучивать наизусть.

Библиографический список:

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений / В.М. Алпатов. – М., 1998. – 371 с.
2. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка / Л.А. Булаховский – Киев, 1952. – 445 с.
3. Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке / Г.О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – 612 с.
4. Коневецкий А.К. История наречий в русском языке / А.К. Коневецкий – Саратов, 1988.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский – М., 1996. – 536 с.
6. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семенов. – М., 2003.
7. Срезневский И.И. Об изучении родного языка вообще и особенно в детском возрасте / И.И. Срезневский. – СПб., 1899. – 183 с.

8. Успенский Л.В. Слово о словах / Л.В. Успенский. – М., 2008. – 544 с.
9. Янович Е.И. Наречие в истории русского языка / Е.И. Янович. – Минск, 1978.

СЕКЦИЯ 2. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 1751

Попова М.Д. Язык и традиции эвенов

Language and traditions of Evens

Попова Мария Дмитриевна,
младший научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Popova Maria Dmitrievna,
junior Researcher,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of
the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: В данной статье дается описание особенностей эвенского языка и традиций. Особенностью эвенского языка является его агглютинативность, он очень богат формальными элементами – суффиксами.

Ключевые слова: эвены, традиции, агглютинативный язык, суффиксы.

Abstract: This article describes the features of the Even language and traditions. A feature of the Even language is its agglutination, it is very rich in formal elements – suffixes.

Keywords: Evens, traditions, agglutinative language, suffixes.

Эвены – малочисленный северный народ России. В этнографической литературе они известны как ламуты. Они имеют такие региональные самоназвания, как: ламут, ороч, илкан, тунгус, мэнэ, донрэткэн, намоткан. В настоящее время все эти группы объединены под общим названием – эвены. В этнографической литературе они известны как ламуты (от эвенкийского ламу ‘море’ – приморские жители). Они живут в Быстринском районе Камчатского края, в Ольском и Северо-Эвенском районах Магаданской области, в Охотском районе Хабаровского края, в Билибинском, Анадырском районах Чукотского автономного округа, в Пенжинском, Олюторском,

Тигильском районах Корякского автономного округа. В Республике Саха (Якутия) живут в Аллаиховском, Момском, Томпонском, Среднеколымском, Нижнеколымском, Верхнеколымском, Верхоянском, Усть-Янском, Кобяйском, Оймяконском, Абыйском, Булуномском, Эвено-Бытантайском районах [2, с. 9-12].

Численность эвенов по данным Всероссийской переписи 2010 года составляет 21830 человек. Из них владеют родным языком всего 16,5 % человек. Продолжается ассимиляция эвенов с другими более многочисленными народами. Только в 80-е годы XX века стала проводиться активная политика, направленная на возрождение языка и культуры эвенов.

Эвенский язык относится к тунгусо-маньчжурской группе языков. По мнению ряда исследователей, тунгусо-маньчжурские языки составляют единую алтайскую языковую семью с монгольскими и тюркскими языками.

Особенностью эвенского языка является его агглютинативность (то есть, суффиксальность), он очень богат формальными элементами – суффиксами. В эвенском слове суффиксы следуют один за другим в определенном порядке и прилепляются к основе справа: Например, слово *өкэнивкаччоттан* ‘он за молоком посылает’. К корню слова *өкэнь* ‘молоко’ приставлен суффикс –и – *өкэни* –основа глагола ‘пойти за молоком’, к нему присоединен суффикс –вкач суффикс побудительного залога, далее следует суффикс –чот фонетический вариант суффикса обычного вида –вач, –та суффикс настоящего времени изъявительного наклонения, –н суффикс 3-го лица единственного числа – *өкэнивкаччоттан* ‘он за молоком посылает’ [3, с. 10-11]

Язык – душа народа. В языке сохраняется вся история, духовная и материальная культура, даже характер и нрав народа.

У каждого народа свои особенности быта, манеры поведения, обусловленные традициями, образом жизни и её укладом. Кочевой образ жизни эвенов выработал особое поведение в быту:

- с малых лет приучают уважительному отношению к старикам, инвалидам, сиротам, а также к домашним животным – к маленьким оленятам, собакам;
- при встрече у эвенов принято вместо рукопожатия спокойно прикоснуться ладонями рук, как бы передавая через прикосновение тепло своего расположения к человеку;
- гостя сажают на самом почетном месте жилища и угощают деликатесами из национальных блюд;
- во время чаепития, если вы больше не хотите чая, то нужно перевернуть чашку вверх дном, иначе хозяйка бесконечно будет наливать вам чай;
- во время охоты на диких оленей, зверей, на уток и гусей «берут» столько, сколько нужно семье или бригаде с расчетом на 2-3 дня только;
- чтобы сохранить природу, при переезде эвены ездят почти всегда по одному и тому же маршруту;
- в вечернее время детям не разрешают кричать, громко смеяться, особенно на улице. Могут услышать разные духи, аринка ‘черти’;
- готовность к переезду вырабатывает привычку класть каждую вещь на свое определенное место;
- зимой меховую одежду оставляют на улице, на холоде [1, с. 20].

В настоящее время сложилось так, что даже среднее поколение северных народов не знает своего родного языка, традиций, обычаев, песен, танцев. Это беда всей нашей действительности, теперешнего уклада жизни. Здесь сказалось то, что народы Севера были оторваны от традиционного уклада жизни, повсеместное насаждение обучения только на русском или на якутском языках, которое не встретило сопротивления со стороны самих северных народов. К сожалению, в настоящее время можно на пальцах пересчитать эвенов, в совершенстве знающих свой родной язык.

В настоящее время делается немало усилий для сохранения языков коренных малочисленных народов Севера:

- проводится целенаправленная деятельность по обучению родным языкам в средних общеобразовательных учреждениях. В системе общего образования Российской Федерации разработан базисный учебный план, позволяющий ввести родной язык в качестве обязательного учебного предмета, установлены стимулирующие надбавки для учителей родных языков народов Севера, издаются учебники, проводятся олимпиады, конкурсы, семинары.

- Современные проблемы малочисленных народов Севера диктуют необходимость увязывания образования с традиционным укладом жизни северян. Здесь в укреплении семьи и сохранении среды функционирования языка большую роль играют кочевые школы. В настоящее время кочевые школы успешно функционируют во многих районах республики.

- Одной из форм сохранения и развития языка малочисленных народов Севера является организация работы фольклорных ансамблей, творческих художественных коллективов по пропаганде народного творчества. Создаются этнокультурные центры. Например, в

республике успешно функционируют 24 эвенских этнокультурных центров.

Этно-фольклорный эвенский ансамбль «Долгунча» (художественный руководитель Никулина З. П.) при Доме Культуры имени А. Е. Кулаковского вносит свою немалую лепту в дело сохранения языка и культуры эвенского народа. Основой репертуара ансамбля является неиссякаемый эвенский фольклор – это напевы песенного творчества – представления. Например: древо жизни, чудо-птицы, олень – символ добра, благополучия, счастья. Родовые круговые танцы: *хэдьэ*, *деһонде*, *нөргэнек*, *дьэһэрийэ* и т.д. На данный момент ансамбль «Долгунча» — долгожданные участники многих городских и республиканских мероприятий и концертов.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН является научно-исследовательским учреждением в России, где разрабатываются проблемы исчезающих языков и фольклора. Основная цель работы института — сохранение и развитие национальной (этнической) самобытности и культурного наследия коренных народов Якутии. Проблемами сохранения эвенского языка и фольклора в институте занимается сектор эвенской филологии. Деятельность сектора базируется на сочетании фундаментальных и прикладных научных исследований, социальной и образовательной практики.

Сотрудники сектора эвенской филологии впервые в практике Сибирского отделения РАН составляют академическую грамматику современного эвенского языка, используя методы функциональной грамматики. Так В. А. Роббеком разработана и издана монография объемом 45,5 п.л. "Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте". Монография посвящена

одному из малоизученных вопросов грамматики эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков — категории глагола, которые впервые рассматриваются в функционально-семантическом аспекте.

Впервые в практике составления словарей составлен и издан "Эвенско-русский словарь", который отличается от предшествующих словарей тем, что сделана кодификация современной орфографии эвенского языка, впервые проставлены долготы и редукция.

Сектор инициировал создание и издание серии "Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока".

Сектор эвенской филологии работает со дня основания Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН в 1991 году и по сегодняшний день. Коллектив сектора очень гордится и ценит, что находится в составе единственного в России Института, который занимается разработкой и исследованием научных проблем коренных малочисленных народов Севера [4].

Библиографический список:

1. Дуткин Х. И. Эвенский фольклор. – 1996. – 66 с.
2. Роббек В. А., Роббек М. Е. Эвенско-русский словарь. – 2005. – 356 с.
3. Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского языка. – 1947. – 270 с.
4. <http://www.igi.ysn.ru/indexsakha.php?page=karta&even>

СЕКЦИЯ 3. ГЕРМАНСКИЙ ЯЗЫКИ

УДК 81

Алатырцева Л.В. Проявление уклончивости в коммуникативном поведении в современном немецком языке

Evidence of evasiveness in communicative behavior in modern German

Алатырцева Людмила Викторовна,
Кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков,
Кировский государственный медицинский университет

Alatyrtsseva Ludmila Viktorovna,
Ph.D.(Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages,
Kirov State Medical University

Аннотация: Статья посвящена особенностям проявления уклончивости или эвазии в разговорной речи современного немецкого языка.

Ключевые слова: разговорная речь, коммуникация, уклончивость, эвазия.

Abstract: The article deals with ways to express evasion in the colloquial style of the German language.

Keywords: colloquial language, communication, doubling, evasion.

Умение использовать и понимать язык применительно к конкретной коммуникативной ситуации является залогом успешного взаимодействия партнеров. Уклонение от коммуникации на определенную тему или завершение общения встречается в лингвистической литературе под обобщающим термином «эвазия».

Вербальным показателем уклончивости является появление эвазивных высказываний, под которыми С.В.Антонова понимает уклончивые ответные реплики в диалоге. Данный исследователь вводит также термин «эвазивная модальность» высказывания [1]. Анализ эвазивных реплик, проведенный автором статьи, позволяет сделать вывод, что они могут, как привести к окончательному обрыву диалога, так и явиться, например, сигналами смены темы.

Уклончивость, по мнению Л. Б. Головаш [2], представляет собой цепь решений говорящего, коммуникативных выборов и речевых действий и языковых средств, позволяющих завуалировать, скрыть истинный смысл ответной реплики или вовсе уклониться от прямого ответа. Однако за таким уклонением может стоять намерение противодействовать речевой агрессии. Так, например, Х. Риборц [3] относит высказывания, которые могут быть поняты как уклончивость, к приемам так называемой «мягкой», «неагрессивной» контратаки. В данных рамках исследователь выделяет целый спектр речевых техник: комплименты, подчеркнутое согласие, переформулировка вербальных атак, парирование ответным вопросом и др.

Распространенным примером использования одной из таких техник является так называемый «отвлекающий маневр», который входит в арсенал западных политиков и заимствуется российскими. На вопрос журналиста: «Wie nehmen Sie zum schlechten Wahlergebnis Ihrer Partei Stellung?» (Как Вы можете прокомментировать негативные для Вашей партии результаты выборов?), политический деятель дает следующий ответ: «Zuerst will ich mal allen unseren Wählerinnen und Wählern danken, die uns ihr Vertrauen geschenkt haben. Mein Dank gilt auch den Helferinnen und Helfern, die uns mit so großem Eifer und Tatkraft unterstützt haben.» (Сначала мне хотелось бы поблагодарить оказавшим нам доверие избирателей, а также всех наших помощников, которые с таким огромным старанием энергией поддерживали нас.) Таким образом, отвечающий переключается с темы вопроса на выражение благодарности избирателям, которое представляет собой достаточно большой отрезок текста, содержащего параллельные синтаксические структуры (повтор придаточного определительного предложения), принятые в немецком языке отдельные вежливые формы обращения к

мужской и женской половине избирателей и помощников (Heferinnen und Helfer). Тем самым публика постепенно забывает, какой вопрос был задан журналистом.

Другим примером может служить стратегия игнорирования и переключения на положительные моменты или юмор, как в следующем контексте: «Siehst du, und diese Lehrerin ist wesentlich älter als er. (Разве ты не видишь, что эта учительница значительно старше его.)- «Na und? Altersunterschied hat manchmal seine Vorteile.» (И что? У разницы в возрасте есть свои плюсы.)

Часто используемой техникой является также ответ вопросом на вопрос. Ее плюсы в том, что с одной стороны отвечающий, задав вопрос, начинает управлять коммуникацией, с другой стороны, это побуждает нападающего уточнить свой вопрос и снять при этом излишнюю эмоциональность. Например: «Warum beantwortest du meine Frage mit einer Gegenfrage?»(Почему ты отвечаешь вопросом на вопрос?)- «Warum darf ich auf eine Frage keine Gegenfrage stellen?»(А почему я не могу ответить вопросом на вопрос?)

При завершении интеракции для немецкого языка характерно соблюдение ритуалов, здесь не может быть ухода «по-английски». На этот факт указывал И.Гофман, определяя окончание диалога как межличностный ритуал. Причем это не только отдельно взятый ритуал прощания, а как отмечает Э.Берне, «последовательность простых комплементарных трансакций», т.е. целая серия ритуалов и церемоний. Согласно Э.Берне, «ритуализация дает людям ощущение доведенного до автоматизма правильного коммуникативного поведения, когда им не нужны долгие пространные объяснения.» Например:

Frau Martens, es tut mir leid unser Gespräch beenden zu müssen. Frau Moormann gibt mir ein Zeichen. Sie sagte mir vorher schon, dass Sie ihren

Arzt braucht. (Госпожа Мартенс, мне очень жаль, но я вынуждена прервать наш разговор. Госпожа Морман просит меня освободить телефон. Она предупреждала меня, что ей нужно будет позвонить врачу.) В приведенном примере мы имеем дело с внешним обоснованием причин завершения разговора, где истинные обстоятельства остаются не озвученными по причине соблюдения правил вежливости. Говорящий уходит таким образом от неприятной ему темы, вежливо и обоснованно прерывая коммуникацию.

Уклончивость или эвазия в широком смысле является, таким образом, неотъемлемой частью коммуникативного поведения носителей немецкого языка и имеет множество модификаций.

Библиографический список:

1. Антонова С.В. Категория эвазивности в современном немецком языке // Тезисы докладов межвузовской конференции молодых ученых. - Иркутск: ИГЛУ, 1997.
2. Головаш, Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа : на материале английского языка [Текст] : автореферат дис. ... канд. филол. наук / Л. Б. Головаш. – Кемерово, 2008
3. Ryborz H. Geschickt kontern: Nie mehr sprachlos!: Schlagfertigkeit trainieren und angemessen einsetzen, Walhalla Fachverlag, 2006.

УДК 801.8

Корбмахер Т.В. Понятие кулинарного рецепта в русском и немецком языках

The definition of culinary recipe in Russian and German

Корбмахер Татьяна Владимировна,
Старший преподаватель кафедры иностранных языков,
Торгово-экономический институт СФУ, Красноярск

Korbmakher Tatyana Vladimirovna,
Senior Lecturer, Department of Foreign Languages,
Trade and Economics Institute, Siberian federal university, Krasnoyarsk

Аннотация: В статье ставится задача рассмотреть понятие кулинарного рецепта в русском и немецком языках. В результате исследования выяснили, что в русском и немецком языках кулинарный рецепт (одно из значений понятия «рецепт») - это способ приготовления блюда.

Ключевые слова: кулинарный рецепт, понятие, предписание, способ приготовления, инструкция

Abstract: The article aims to review the definition of a cooking recipe in Russian and German. The study found that in Russian and German recipe (one of the meanings of "recipe") is a way of cooking dishes.

Keywords: Culinary recipe, definition, prescription, way of cooking, instruction

Обращение к текстам кулинарных рецептов с целью их изучения является актуальной тенденцией на сегодняшний день. Кулинарный рецепт - один из самых распространенных типов текста, с которым мы сталкиваемся в повседневной жизни. Мы рассмотрим понятие «рецепт» в русском и немецком языках. Научная новизна работы определяется актуальностью исследования.

Нами были изучены и проанализированы значения термина рецепт в словарях русского языка: Ожегова С.И., Шведовой Н.Ю. [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., с 620], Егоровой Т.В. [Словарь иностранных слов современного русского языка, с 580] , Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаевой Е.Э. [Современный толковый словарь, с 543] , Ушакова Д.Н. [Толковый словарь русского языка, с 102], так как

в них представлены разнообразные и необходимые сведения о современном русском языке: толкования значений слов, указания на сферу их употребления, их грамматические формы, стилистическую характеристику, фразеологические связи и т. д. В словарях раскрывается значение слова в кратком определении, достаточном для понимания самого слова и его употребления в современной речи. Немецкие словари: Duden [Duden, S 591], Wahrig [Wahrig, S 760,1066], Langenscheidt [Langenscheidts Großwörterbuch, S 796], Bertelsmann [Bertelsmann Universal Lexikon, S 153]. дают краткое толкование каждого значения слова, приводятся примеры употребления слова в речи, определения даны доступным языком.

Значения термина «рецепт» в толковых словарях русского языка:

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю	Егорова Т.В.	Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э.	Ушаков Д.Н.
1. Предписание врача о составе лекарства.	1.Письменное указание врача аптеке об изготовлении лекарства.	1. Письменное, по установленной форме, обращение врача в аптеку.	1. Письменное указание врача аптеке об изготовлении лекарства.
2. Способ приготовления чего-н. <i>Кулинарные рецепты. Р. засолки грибов.</i>	2.Вообще указание о способе изготовления чего-либо.	2.Способ приготовления, изготовления чего-либо.	2. Наставление о способе изготовления чего-нибудь. Рецепт для приготовления кушаний.
3. Перен. Совет, рекомендация, как следует поступать в том или ином случае.	3. Способ, прием, образ действия.	3.Руководство, совет, как действовать, поступать в том или ином случае.	3. Способ, прием, образ действия (разг.).

Итак, словари русского языка предлагают три значения термина «рецепт», а именно 1) предписание врача о составе лекарства; 2) способ приготовления блюда 3) совет, руководство, рекомендация, как действовать в том или ином случае.

Значения термина «рецепт» в толковых словарях немецкого языка:

Wörterbuch Duden	Wörterbuch Wahrig	Langenscheidts Großwörterbuch	Bertelsmann Universal Lexikon
1.Schriftliche Anweisungen an den Apotheker.	1.Schriftliche Anweisung des Arztes an den Apotheker.	1.Schriftliche Anweisung vom Arzt an den Patienten.	1 Ärztliche Verordnung.
2.Anleitung zur Zubereitung eines Gerichts.	2. Kochrezept <n.> Vorschrift, Anleitung zum Kochen einer Speise.	2. Genaue Beschreibung, nach der man ein bestimmtes Essen kochen kann.	2. Anleitung , wie eine Speise zubereitet werden kann.
		3. Art Regel, nach der man ein Problem lösen kann.	3<übertr.> Mittel, Vorgehensweise.

Толковые словари немецкого языка Duden, Wahrig предлагают не три значения как в русском языке, а всего лишь два: 1) Schriftliche Anweisungen des Arztes (письменное предписание врача) 2) Anleitung zum Kochen einer Speise (руководство по приготовлению блюда). В словарях Langenscheidts, Bertelsmann - три значения термина «рецепт», а именно 1) schriftliche Anweisung vom Arzt an den Patienten (письменное предписание врача пациенту) 2) Anleitung zum Kochen einer Speise (руководство по приготовлению блюда) 3) Vorgehensweise (образ действия).

Нами были изучены и проанализированы значения термина «рецепт» в толковых словарях и сделаны выводы, что в русском и немецком языках в основе определения – рецепт лежит 1) *медицинское*

значение- письменное предписание врача пациенту; о составе лекарства 2) *кулинарное значение*- способ приготовления блюда. 3) *совет, рекомендация к действию*- как следует поступать в том или ином случае.

Понятие кулинарного рецепта в основном дается в интернет источниках.

В русском языке:

ru.wikipedia.org	dic.academic.ru	http://encyclopaedia.bid/википедия/
Кулинарный рецепт — руководство по приготовлению кулинарного изделия. Содержит информацию о необходимых пищевых продуктах, их пропорциях и инструкциях по смешиванию и обработке.	Кулинарный рецепт — руководство по приготовлению кулинарного изделия. Содержит информацию о необходимых пищевых продуктах, их пропорциях и инструкциях по смешиванию и обработке.	Кулинарный рецепт — руководство по приготовлению кулинарного изделия. Содержит информацию о необходимых пищевых продуктах , их пропорциях и инструкциях по смешиванию и обработке.

В немецком языке:

https://de.wikipedia.org	Wahrig	http://universal_lexikon.deacademic.com
Ein Kochrezept ist eine planmäßige Anweisung zur Zubereitung eines bestimmten Gerichts .	Kochrezept <n.> Vorschrift, Anleitung zum Kochen einer Speise.	Koch re zept , das: Rezept, nach dem eine Speise zubereitet werden kann.

В нашей работе будем руководствоваться понятием кулинарный рецепт - руководство по приготовлению кулинарного изделия, содержащее информацию о необходимых пищевых продуктах, их пропорциях и инструкциях по смешиванию и обработке. Кулинарные

рецепты описывают механическую и тепловую обработку ингредиентов, способы сервировки готовых изделий.

В стандартном кулинарном рецепте указывают следующую информацию: внешний вид и качество исходных ингредиентов, т.е. продуктов питания, которые используют при приготовлении того или иного блюда; количество или кулинарную меру веса ингредиентов; руководство по способу кулинарной обработки исходных ингредиентов; примерное время изготовления; информацию о подаче готового кулинарного изделия и способу его сервировки. В настоящее время с помощью кулинарных рецептов можно узнать и дополнительную информацию, относительно конечного кулинарного продукта, например, количество калорий или численность персон, а также порционных частей, на которые рассчитан рецепт готового блюда. Кроме того, на сегодняшний день в кулинарии больше популярны те рецепты, в которых дана поэтапная характеристика приготовления кулинарного продукта. Нередко, в рецепте указывается пометка по поводу специализированного кулинарного оборудования, которое нужно применять в процессе изготовления различных блюд.

Современные кулинарные рецепты также часто имеют в своем содержании примерный образ готового блюда (фотографию или картинку). Это необходимо для того, чтобы начинающие повара знали, к чему нужно стремиться и сравнивать свой конечный результат приготовления с представленным в рецепте, неким эталоном. Основное отличие современных рецептов от старых состоит в том, что помимо подробной информации о самих ингредиентах, в описании также, как правило, полно другой вспомогательной информации: способ и время приготовления, химический состав (соотношение белков, жиров, углеводов), калорийность и так далее.

Это связано прежде всего с тем, что информация, размещенная в старых рецептах, была рассчитана на уже имеющего опыт в кулинарии человека. Раньше рецепты создавались и рассчитывались на тех, кто уже умел готовить те или блюда. Поэтому в описании был представлен перечень необходимых ингредиентов, соответственно их соотношение друг к другу и название блюда.

Также современные рецепты приготовления блюда описывают весь процесс от начала до конца как можно более досконально, что позволяет даже новичкам в кулинарии приготовить тот или иной вид блюд.

Так как кулинарный рецепт по всем своим характеристикам является текстом, одной из перспектив дальнейшего исследования может стать анализ языковых особенностей текста кулинарного рецепта (на материале диалектов российских немцев Сибири).

Библиографический список:

1. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э. Современный толковый словарь Том 1, 2014. – 784 с.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 2010. – 944 с.
3. Словарь иностранных слов современного русского языка. — М.:«Аделант», 2014.—800 с.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М., 2013. – 800 с.
5. Bertelsmann Universal Lexikon. Deutsches Wörterbuch, Band 2., 2003. – 478 с.

6. Duden. Das Herkunftswörterbuch. Etymologie der deutschen Sprache. Die Geschichte der deutschen Wörter und der Fremdwörter von ihrem Ursprung bis zur Gegenwart., 2013. – 960 с.

7. Langenscheidts Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache., 2009. – 1216 с.

8. Wahrig. Deutsches Wörterbuch. mit einem Lexikon der deutschen Sprachlehre. Bertelsmann Lexikon Verlag., 2011. – 1152 с.

Интернет – источники

1. [Википедия — свободная энциклопедия](#) [Электронный ресурс]: ru.wikipedia.org (дата обращения: 28.04.2017).

2. [Свободная энциклопедия](#) [Электронный ресурс]: <http://encyclopaedia.bid> (дата обращения: 28.04.2017).

3. Словари [и энциклопедии на Академике](#) [Электронный ресурс]: dic.academic.ru (дата обращения: 28.04.2017).

4. [universal_lexikon.deacademic.com](#) [Электронный ресурс]: http://universal_lexikon.deacademic.com (дата обращения: 28.04.2017).

5. [Wikipedia – Die freie Enzyklopädie](#) [Электронный ресурс]: <https://de.wikipedia.org> (дата обращения: 28.04.2017).

УДК 8.81

Колесникова Е.Е. Особенности проведения фреймового анализа для выявления когнитивных основ формирования новых значений абстрактных существительных

Specific features of conducting the frame analysis with the aim of discovering cognitive characteristics of the formation of new meanings of abstract nouns

Колесникова Елена Евгеньевна,
аспирант

Балтийский государственный университет им. И. Канта,

Kolesnikova Elena Evgenyevna,
PhD student

Immanuel Kant Baltic Federal University

Научный руководитель:

Боярская Елена Леонидовна
к.ф.н., доцент

Балтийский государственный университет им. И. Канта

Scientific adviser: Boyarskaya E., Phd in Philology, Associate Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University

Аннотация: Фреймовая семантика, зародившаяся в трудах Ч. Филлмора, дала мощный толчок развитию когнитивных исследований, ставящих своей целью выявление ментальных механизмов формирования значений лексических единиц. Имена существительные, имеющие абстрактное значение, традиционно относятся к группе безденотатной лексики, хотя среди лингвистов нет единого мнения по данному вопросу. Фреймовый анализ, предложенный Дж. Пустейовским и разрабатываемый Е.Л. Боярской, позволяет выявить когнитивные особенности формирования новых значений абстрактных имен. При образовании нового значения абстрактного имени происходит наследование многих признаков как инферентного, так и агентивного подфреймов, что связано с семантическими особенностями данной группы имен.

Ключевые слова: фрейм, абстрактные имена, фреймовый анализ, наследование

Abstract: The frame semantics, which at first developed in Ch. Fillmore's works, served as a powerful incentive for the cognitive research aiming at discovering mental mechanisms underlying the formation of new meanings of lexical units. Traditionally, nouns with an abstract meaning have been referred to as "denototeless", though the linguists' opinions on the issue vary broadly. The frame analysis proposed by J. Pustejovsky and later developed by E. Boyarskaya allows distinguishing cognitive features of the formation of new meanings of abstract nouns. When a new abstract meaning emerges, many features of the inferred and agentive subframes are inherited, which reflects particular semantic traits in the given lexical group.

Keywords: frame, abstract nouns, frame analysis, inheritance

Появление термина «фрейм» (от англ. Frame – рамка) в когнитивной лингвистике связано с развитием фреймовой семантики Ч. Филлмора. Отталкиваясь от разработанной им теории глубинных падежей, Ч. Филлмор пришел к выводу о том, что языковые единицы выполняют определенные семантические роли, которые не могут быть сведены только к изменению морфологической или фонетической формы. Для ученого фрейм представлял собой падежную рамку (парадигму) глагола, которая определяет способ присоединения объектов. Анализируя комбинаторные возможности глагола, Ч. Филлмор переходил на более высокий уровень: «в результате наложения прототипного значения на сцену реального мира происходит «опознание» этого самого мира» [5].

Под фреймом может пониматься способ организации информации в концептуальной системе человека. По определению М. Минского, который разрабатывал теорию фрейма, фрейм представляет собой «внутренние открытые системы...[дающие] возможность содержать основную, типическую и потенциальную информацию, которая ассоциирована с концептом» [4, с. 8]. Фрейм является некой ситуацией, обладающей рядом инвариантных признаков, при этом он тесно связан с концептом, вокруг которого и разворачивается действие. В других исследованиях термин «фрейм» приравнивается к сценарию как «набору объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий» [6, с. 8]. В повседневной жизни существует огромное количество сценариев, часть из них носит ритуальный характер (бракосочетание, похороны), часть сильно формализована (принесение присяги), но основная масса носит бытовой характер (встреча гостей, поход в кино и т.п.). Сценарии

являются продуктом социализации индивида; подобно навыку, они закрепляются путем многократного повторения (если не на личном опыте, то в передаче очевидцев, рассказах родителей).

Фрейм является структурированным, упорядоченным явлением. М. Минский метафорично представлял фрейм в виде сети с узлами и связями между ними. Верхние уровни имеют четкий контур, поскольку составлены постоянно верными понятиями. Но, в силу субъективности языкового употребления, подобных понятий не может быть много. Более низкие уровни имеют пустые терминалы, которые постепенно заполняются новыми данными или признаками [4, с. 8]. Отсюда можно сделать следующий вывод: фрейм является в первую очередь структурным образованием, каркасом, и предполагает заполнение концептуальными прототипами, категориями, признаками объектов. Следовательно, можно выделить следующие функции фрейма:

1. Структурирующая роль – фрейм является средством организации различного рода данных в концептуальной системе человека;

2. Сохранение информации – память человека во многом опирается на ассоциации. Информация, содержащаяся во фрейме, представляет собой не отдельные элементы, а систему с достаточно сложными отношениями. Благодаря этому данные могут быть сохранены и переданы в более полном объеме;

3. Пополнение информацией. Фрейм имеет ряд «слотов», заполненных данными [9, с. 250], фреймы не являются закрытыми системами, они транспарентны [8, с. 73]. Подобно тому, как говорящий «высвечивает» (в терминологии Дж. Лакоффа) отдельные признаки предмета при образовании

метафоры или употреблении слова в переносном смысле, мы выделяем различные части фрейма в зависимости от коммуникативного намерения.

4. Типизация явлений. По мнению Беляевской, «...фрейм воссоздает «идеальную» идею объекта или ситуации, которая служит своеобразной точкой отсчета для рассмотрения конкретной ситуации, в которой находится человек, и определения его поведения» [1, с. 28]. Фреймы, как видно из приведенной цитаты, являются более «прикладным» образованием, чем концепты.

Таким образом, фрейм является важнейшим когнитивным образованием, которое наравне с концептом и категории участвует в концептуализации окружающей действительности и внутреннего мира человека.

Развитие теории фреймов позволило раскрыть еще одну особенность данного явления. Исследователи обратили внимание на возможность применения анализа фреймов в качестве инструмента для проведения анализа семантики слова. Впервые о практической стороне фрейма упомянул Ч. Филлмор, которого можно считать родоначальником структурной семантики. Позднее фреймовый анализ разрабатывался Дж. Пустейовским и был представлен в его статье “The Generative Lexicon” (1991). Дж. Пустейовский обратил внимание на определенное сходство между организацией лексикона и способом представления информации в вычислительных системах, что привело к созданию новой дисциплины – вычислительной лингвистики (computational linguistics). Дж. Пустейовский выделял четыре типа отношений, составляющих структуру лексической единицы (qualia-structure), т.е. четыре аспекты ее значения:

- 1) Связь между частями и целым;
- 2) Физические характеристики;
- 3) Цель и функция;
- 4) Причина возникновения.

Далее в предложенной QUALIA-структуре Дж. Пустейовским были выделены следующие роли:

- 1) Constitutive;
- 2) Formal;
- 3) Telic;
- 4) Agentive [10, с. 418].

При проведении анализа значения того или иного слова выделяются различные семантические роли, которые выполняются при реализации лексической единицы в речи. Совокупность данных ролей образует фрейм слова. Данные разработки легли в основу различных исследований, выполненных в русле когнитивной семантики. Помимо этого, университетом Беркли разработан словарь фреймов в рамках проекта FrameNet. Создателям данного инструмента когнитивного анализа слова удалось проанализировать более 10 тысяч словозначений, каждое из которых представлено в виде списка его потенциальных семантических ролей с примерами употребления. Благодаря хорошо продуманной системе поиска и классификации слов данная система удобна для использования тем, кому интересны процессы, происходящие при образовании значений слов.

В работе Боярской Е.Л., посвященной проблеме формирования новых значений конкретных существительных, также применяется фреймовый анализ, разработанный Дж. Пустейовским. Но в указанной работе фреймы дополнены и конкретизированы:

1) Конститутивный подфрейм разделен на две части: собственно-конститутивный и конститутивно-инферентный: «собственно-конститутивный подфрейм содержит данные об отношениях типа часть-целое... конститутивно-инферентный подфрейм отражает дополнительные выводные данные о предмете исследования» [2, с. 92];

2) Целевой подфрейм также состоит из двух дополнительных подфреймов – действие предмета и действие над предметом. Поскольку предмета изучения являются имена конкретные, то такое дополнение позволяет рассматривать одновременно и причину, и следствие, вызываемые действиями определенного предмета.

3) Добавлен прагматический подфрейм, что объясняется необходимостью проследить изменения, которые происходят при формировании новых значений конкретных имен. По мнению Е.Л. Боярской, прагматическая информация может существенно повлиять на характер протекания инференции, т.е. вывода нового значения из уже существующего [2, с. 92].

Разрабатывая свою методику фреймового анализа, Дж. Пустейовский предполагал, что она главным образом применима к анализу глаголов, так как теория глубинного падежа основана на главенствующей роли предиката, управляющего остальными членами предложения. Но анализ фреймов можно с успехом применять и при изучении других аспектов языка. С этой точки зрения особый интерес представляют абстрактные существительные, обладающие рядом отличительных свойств.

По мнению Л.О. Чернейко, «абстрактное имя занимает совершенно особое место среди объектов изучения лингвистики» [7, с. 5]. Имена абстрактные представляют собой обобщения различных физических свойств предметов, отношений между ними, а также обобщения эмоций и социальных отношений. В качестве другой особенности имен абстрактных (помимо отсутствия формы) может выделяться отсутствие денотата, который можно было бы подвергнуть чувственному анализу (например, любовь, работа (в значении «процесс»), смех). Несмотря на то, что выделяется особая группа «безденотатной лексики», например, «кентавр», «йети», «огр», «пряничный домик», «НЛО» и прочие, имеющие мифологическую основу, легко «воссоздать» денотаты, приписывая им «телесные» свойства [3, с. 148]. Кроме того, для наших предков они были совершенно конкретны, а в случае с НЛО – реальны для множества современников. Появлению абстрактного имени предшествует переосмысление предмета, выявление его прототипических свойств и их объединение в новую лексическую единицу. Будучи объектами вторичной номинации, имена абстрактные представляют собой более сложные, концептуально насыщенные образования, анализ которых требует особого подхода.

При проведении фреймового анализа абстрактного существительного представляется необходимым внести некоторые уточнения в данную схему. Пример такого анализа приведен ниже.

Слово	Формальный	Конститутивный		Агентивный		Целевой		Прагм.
		Собственно-конст.	Конст.-инферентный	Субъект	Объект	Д.предм.	Д.над предм.	
Grazing	Grassland Stockfarm	Land where farm animals feed on grass Field Pasture Area Paddocks	Clear Healthy Peaceful Quiet Rough Moorland Winter Alpine	Arm animals Buffaloes LambsHerd Cattle Cows Goats	Grass Forage	–	Lease Move Establish Designate Destroy Dispute Restrict	Нейтр
Grazing	Grassland Stockfarm	The vegetation on pastures Herbage Crops Forage	Short Dairy	arm animals Buffaloes Lambs Herd Cattle Cows Goats	Grass Forage	–	Find	Нейтр.
Grazing	Provender Search	Eating when the mood strikes In small amounts Eating habit, Poking through freezer, refrigerator, and cupboards Snacking Talk-and-eat behavior	Light Quick Good Irregular	Employee s Customers Constructi on workers	mall mealsAppe tizers Tacos, Taco burgers Taco salads Nachos Chilaquiles Burritos Quesadillas	Bite		Нейтр, одоб.

Вышеприведенное существительное *grazing* имеет 3 значения, которые относятся к категориям GRASSLAND, STOCKFARM, PROVENDER согласно тезаурусу П. Роже. Собственно-конститутивный подфрейм *grazing* в первом значении представлен наименованиями территорий, на которых может пастись домашний скот (*area, field, pasture, paddock*). Инферентный подфрейм представлен ассоциативными признаками и характеристиками и составляет периферию значения. В данном случае *grazing* имеет следующие инферентные признаки подфрейма – *clear, healthy, peaceful, quiet, rough moorland, winter, alpine*. Часть из них характеризует особенности занятия сельским хозяйством в различных областях (*moorland, winter, alpine*), в то время как остальные связаны с его эмоциональной оценкой (*clear, peaceful, quiet, rough*). Целевой подфрейм отражает юридические вопросы землепользования (*lease, dispute, establish, designate*), а также его экологические аспекты (*destroy, move*). Таким образом, значение *grazing* «выпас, пастбище» на когнитивном уровне связано с мирным, традиционным и отрегулированным занятием, важным для выживания животных и человека.

Второе значение *grazing* также формально относится к категории живой и неживой материи. Но его собственно-конститутивный подфрейм изменился: *vegetation, herbage, crops, forage*, т.е. все то, что годится в пищу травоядным животным. В данном случае произошел метонимический перенос «объект (трава) – место (пастбище)». Инферентный подфрейм в данном значении отличается от предыдущего – *short* (короткая трава, плохо подходит для корма животным), *dairy* (т.е. идет на корм молочным породам скота). Но в

целом подфреймы обоих значений не выходят за рамки одной категории.

Собственно-конститутивный подфрейм третьего значения представлен действиями *eat when the mood strikes, eat in small amounts*. С одной стороны, *grazing* – режим питания, с другой – «*talk-and-eat behavior*». В данном случае произошло наследование информации из конститутивного подфрейма второго значения (*forage*), так как пасущиеся животные также едят порциями, щипая траву. Важен и временной аспект – животные находятся на пастбище большую часть светового дня (иногда и ночью), и едят по своему усмотрению. Данный признак перешел в новое значение *grazing=snacking*, так как человек перекусывает по настроению. Кроме того, место приема пищи (*pasture*) преобразовалось в *cupboard, freezer, refrigerator*, т.е. признаки собственно-конститутивного подфрейма перешли в новое значение практически полностью.

Инферентный подфрейм представлен новыми признаками – *light, quick, good*, которые указывают на существенное отличие в восприятии двух процессов: образ мирно пасущегося животного сменяется образом человека, быстро съедающего какой-нибудь фрукт или булочку. Интересным представляется отсутствие негативных признаков, которые могут быть связаны с перекусами; напротив, признак *healthy* из первого значения перешел в последнее. Последнее важно, так как агентивный подфрейм *grazing(3)* представлен следующим списком: *employees, construction workers, customers*, что может перекликаться с агентивными подфреймами двух первых значений (домашние животные также выполняют определенную «работу» для человека). Следовательно, при формировании значения многозначного слова произошло наследование признаков не только собственно-

конститутивного подфрейма двух предыдущих значений, но и инферентного подфрейма; одновременно в нем появились собственные признаки, которые обусловлены образом жизни современного человека.

Таким образом, проведение фреймового анализа на материале абстрактных имен позволяет выявить их семантические связи и отношения, но имеет характерные особенности, связанные в первую очередь с общей семантикой данной группы слов.

Библиографический список:

1. Беляевская Е.Г. Применимо ли понятие концептуализации к тексту? // Горизонты современной лингвистики. Традиции и новаторство: сб. в честь Е. С. Кубряковой. / Отв. ред. Н.К. Рябцева. М.: Языки славянских культур, 2009 – 401 с.
2. Боярская Е.Л. Разработка методологии когнитивного анализа многозначного слова. // Методы когнитивного анализа семантики слова. Компьютерно-корпусный подход. / Под общ. ред. В.И. Заботкиной. М.: Языки славянской культуры, 2015
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования // Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012 – 208 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979 – 210 с.
5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. № 23. – с. 52-92
6. Хайруллин В.И. Перевод и фреймы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010 – 144 с.
7. Чернейко Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-ва МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997 – 320 с.

8. Яскевич Т.В. Анализ фрейма «выбор» в современном английском языке. // Когнитивный анализ слова. / Отв. ред. Л.М. Ковалева. М.: ЛЕНАНД, 2014 – с. 70-86
9. Bell R.T. Translation and Translating. Theory and Practice. London, New York: Longman, 1991 – 298 p.
10. Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics 17(4). Cambridge: MIT Press, 1991

СЕКЦИЯ 4. РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.131.1

Гейм Е.А. Фразеологизмы с компонентом «mano» («рука») в итальянском языке

Idioms containing the component «mano» («hand») in Italian language

Гейм Екатерина Александровна,
старший преподаватель кафедры
романо-германских языков
и межкультурной коммуникации,
Челябинский государственный университет

Geym Ekaterina Aleksandrovna,
senior teacher of Roman-German languages
and intercultural communication department,
Chelyabinsk State University

Аннотация: в статье рассматриваются итальянские фразеологизмы с компонентом «mano» (рука), выделяются их основные тематические группы и основные структурные схемы.

Ключевые слова: лингвокультурология, фразеологизмы, итальянский язык, компонент «mano».

Abstract: The article deals with italian idioms containing the component «mano», their thematic groups and basic structural schemes are distinguished.

Keywords: linguo- culturology, idioms, Italian language, component «mano»

Взаимодействие культуры и языка в его функционировании изучается в рамках лингвокультурологии. В языке находит свое отражение мир, в котором живет человек, язык используется человеком для воздействия на мир, для выражения своего отношения к тому, что происходит в мире. Осмысление мира и событий, в нем происходящих, а также деятельность людей, его населяющих, в каждый конкретный период истории, несомненно, оставляет свой след в языке [2,с.5] Фразеологический состав языка играет особую роль в воспроизведении национально-культурных установок и традиций носителей языка. [1,с.231] Наибольшим лингвокультурологическим потенциалом

обладает фразеологическая система того или иного языкового этноса, поскольку «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [1,с.233]

Традиционный интерес лингвистов к проблемам фразеологии сегодня значительно усиливается в связи с расширением направлений исследования языковых единиц, обладающих высокой культурной ценностью. Согласно определению Н. М. Шанского, который основной задачей определения понятия *фразеологизм* считал его чёткое ограничение от слов, с одной стороны, и, с другой стороны, от свободных словосочетаний, «фразеологический оборот - это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов, фиксированная по своему значению, составу и структуре» [3,с.12].

Изучая списки фразеологизмов в словарях можно отметить, что в основе их лежат слова, которые обозначают названия предметов обихода, животных, явлений природы, частей тела человека, основных занятий человека и т.д. Как отмечает Т. Черданцева, понятия и ситуации, лежащие в основе фразеологизмов разных народов, имеют много общего, так как они основаны на общности быта, природных условий, животного мира, на процессах, связанных с основными проявлениями жизненных функций и чувств человека [2,с.180]

Названия частей тела играют важную роль в формировании лексико-семантической системы любого языка. Это выражения, которые часто совпадают с анатомической терминологией. Во фразеологизмах довольно часто встречается данная лексика. В

итальянском языке это такие компоненты как *mano* (рука), *pie*de (нога), *occhio* (глаз), *bocca* (рот), *dente* (зуб) и другие. Например: *restare a bocca asciutta* (букв.остаться с высохшим ртом) - *остаться ни с чем*, *in un batter d'occhio* - *в один миг, в мгновение ока*, *lavorare coi piedi* (букв.работать ногами) - *работать снустья рукава*, *trovare pane per i propri denti* (букв.найти хлеб для своих зубов) - *найти себе что-либо по зубам / по силам и др.*

Проанализировав некоторые итальянские фразеологизмы с компонентом «*mano*» («рука»), нам удалось разделить их на тематические группы и выделить некоторые характерные структурные схемы.

Итальянские фразеологизмы с компонентом «*mano*» («рука») содержат в себе различные значения (нас интересовали лишь фразеологизмы со структурой словосочетания). На основе анализа некоторых из них мы можем выделить следующие тематические группы: **1. характеристики человека**____(отрицательные и положительные), **2. характеристика действия человека** и **3. действие или состояние человека.**

К первой группе (характеристики человека) мы можем отнести такие фразеологизмы как:

avere le mani fatate– (букв.иметь волшебные руки) - *иметь золотые руки*;

avere le mani di pasta frolla (букв.иметь руки из песочного теста) – *не руки, а крюки*;

essere svelto di mano (букв.иметь ловкую руку) – *быть нечистым на руку*

avere le mani bucate – (букв.иметь дырявые руки) – *быть транжирой, сорить деньгами*;

mettere le mani avanti (букв.протянуть руки вперед) быть осторожным – перестраховываться, и другие.

Ко второй группе (характеристика действия человека) мы отнесли следующие фразеологизмы:

rubare a man salva (букв.воровать неведимой рукой) – воровать без зазрения совести;

tenere la mano sull'elsa (букв.держатъ руку на эфесе) - быть настороже / наготове;

a mani nude – голыми руками (без использования каких-либо инструментов)

con mano ferma – уверенно, твердой/уверенной рукой и др.

Примерами фразеологизмов, относящихся к третьей группе (действие или состояние человека), могут служить следующие:

stare con le mani in mano (букв.быть с руками в руке) – сидеть сложа руки;

cogliere con le mani nel sacco (букв.застать с руками в мешке) - схватить за руку;

tenere le mani a casa (букв.держатъ руки дома) — рукам воли не давать;

essere in buone mani (букв.быть в хороших руках)– находиться в надежных руках;

mettere la mano sul fuoco (букв.положить руку на огонь) – дать руку на отсечение;

dare una mano a qd (букв.дать руку) – протянуть руку, помочь кому-л.;

restare con le mani vuote – остаться с пустыми руками, ни с чем;

avere le mani legate — (букв.иметь связанные руки) - быть связанным по рукам, не иметь власти;

mettere le mani nei capelli (букв.запустить руки в волосы) – схватиться за голову, рвать на себе волосы;

chiedere la mano di una ragazza – просить руки девушки;

mordersi le mani — (букв.кусать себе руки) - кусать себе локти;

calcare la mano (букв.прижимать руку) — превышать меру / власть;

stendere la mano (букв.протягивать руку) – просить милостыню;

avere le mani in pasta (букв.иметь руки в тесте) — иметь рыльце в пуху;

far man bassa (букв.сделать низкую руку) — грабить, разбойничать;

avere in mano la situazione (букв.иметь в руках ситуацию) — быть хозяином положения;

giocare di mano (букв.играть рукой)– мошенничать, обманывать;

venire alle mani (букв.прийти к рукам) — дойти до рукопашной, сцепиться, подраться и др.

Анализ структуры итальянских фразеологизмов с компонентом «тапо» показал, что основными группами являются следующие:

- группа глагольных фразеологизмов: **глагол+la mano/le mani**: *stendere la mano*, *mordersi le mani*, *calcare la mano* и др.

- отдельная группа представлена схемой: **глагол avere+la mano/le mani+прилагательное**: *avere le mani bucate*, *avere le mani fatate*, *avere la mano lunga*, и др.

- еще одна глагольная схема имеет структуру **глагол+предлог+mano/mani**: *giocare di mano, venire alle mani, essere alla mano* и др.

- сравнительно небольшую группу составляют фразеологизмы, имеющие своей структурой **предлог+mano/mani+прилагательное** (либо **предлог+прилагательное+mano/mani**): *a mani nude, con mano ferma, a larga mano* и др.

- встречаются фразеологизмы со структурой **глагол+la mano/le mani+предлог+существительное**: *mettere la mano sul fuoco, tenere le mani a casa, tenere la mano sull'elsa* и др.

- немногочисленная группа представлена схемой **предлог+mano**: *alla mano, sotto mano*.

Как видно из приведенных примеров, самой многочисленной группой проанализированных фразеологизмов с компонентом «mano» являются фразеологизмы, значение которых связано с действием или состоянием человека; анализ структуры показал, что наиболее распространены глагольные фразеологизмы.

Фразеологический состав языка не знает рамок. По образному выражению В. Н.Телия, фразеологический состав языка - это "безбрежный разлив, вышедший за лексикологическое русло". [1,с. 55]. И мы уверены, что системный подход к изучению фразеологии не исчерпал себя, особенно если речь идет о сопоставительном аспекте фразеологизмов в межкультурном и, следовательно, межъязыковом общении.

Библиографический список:

1. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н.Телия. - Москва, 1996. – 288с.
2. *Черданцева Т.З.* Итальянская фразеология и итальянцы / Т.З. Черданцева. - Москва, 2000. – 304с.
3. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. "Русский язык и литература". — 4-е., изд., испр. и доп. СПб.:— Специальная Литература, 1996 - 192 с.
4. *Sandra Radicchi* In Italia. Modi di dire ed espressioni idiomatiche/ Sandra Radicchi. - Roma: Bonacci editore - 4° edizione, 1985 – 201p.
5. Dizionario dei modi di dire [Электронный ресурс] // Corriere della sera URL: <http://dizionari.corriere.it/dizionario-modi-di-dire/M/mano.shtml> (дата обращения 28.05.2017)

УДК 811

Назарец Д.К. Языковые особенности онимов в комиксе «Астерикс на Олимпийских играх»

The linguistic features of onims in the comic book Asterix at the Olympic Games

**Назарец Дарья
Константиновна,**

Студент факультета филологии, переводоведения
и межкультурной коммуникации,
Тихоокеанский государственный университет
Nazarets D.,
student of the Faculty of Philology,
Translation and Intercultural Communication,
Pacific National University

**Научный
руководитель:**

Салихова О. К., ст. преподаватель кафедры романо-германских
языков и межкультурной коммуникации,
Тихоокеанский государственный
университет
Scientific adviser: Salikhova O., senior Lecturer of the Department
of Romance and Germanic languages
and intercultural communication
Pacific State University

Аннотация: Данная статья посвящена результатам исследования имен собственных в системе языка комикса «Астерикс на Олимпийских играх», основывающимся на комплексном подходе, рассматривающим оним одновременно как единицу языка, так и единицу речи. Целью данной статьи является выявление и анализ языковых особенностей имен собственных.

Ключевые слова: комикс, классификация, структура, морфологический состав, словообразовательная модель, синтаксическая функция онимов.

Abstract: This article reflects the study's results of proper names in the language system of the comic book *Asterix at the Olympic Games*, based on a complex approach that considers the onim both as the language unit and the speech unit at the same time. The purpose of this article is to identify and analyze the linguistic features of proper names.

Keywords: Comics, classification, structure, morphological composition, word-formation model, syntactic function of onims

По мнению французского писателя и журналиста Франсиса Лакассена, комикс - это "девятое искусство", которое по значимости можно сравнить с архитектурой, живописью, скульптурой и

фотографией. Жанр комикса – явление массовой культуры одновременно сочетает в себе литературу и изобразительное искусство [5].

В лингвистической литературе достаточно трудов, посвященных изучению языковых особенностей французских комиксов (Столярова Л.Г, Сонин А.Г., Козлов Е.В.) рассмотренных на фонологическом (использование региональных просторечий и произношений, иностранных акцентов), морфологическом (глагольные времена, употребление местоимений), синтаксических (использование эллиптических, сегментированных и восклицательных конструкций, в разделе лексика активно изучалось использование междометий. Изучается игра, используемая для создания комичного эффекта, а так же пословицы и афоризмы, позволяющие приблизиться к французским менталитету и культуре [2,3,4] .

Следует отметить, что ономастика этого жанра практически не рассматривалась. Ее исследование, между тем, представляется перспективным, поскольку французские комиксы являются особым жанром, использующим креолизированный тип текста. В них рассматриваются различные аспекты и реалии жизни французов. Так, в комиксах серии об Астериксе (*Astérix aux Jeux Olympiques, Astérix et les Goths, Astérix gladiateur, Tour de Gaule d'Astérix, Astérix et les Vikings, Astérix et les Indiens* etc.) отражается французский юмор, который представляет собой умение смеяться над собой и принимать себя со всеми недостатками. Кроме того, имена собственные в комиксах могут воздействовать на восприятие произведения читателем на самых разных уровнях текста, от фонетико-графического до композиционного и концептуального [1].

В комиксе «Астерикс на Олимпийских играх» речь идет о том, что Астерикс и Обеликс отправляются в Грецию, на Олимп, чтобы поучаствовать в Олимпийских играх. Большая часть галльской деревни отправляется вместе с ними в качестве группы поддержки. По прибытии они узнают о запрете использования допинг-продуктов и волшебное зелье, используемое галлами, считается запрещенным веществом. Таким образом, у Астерикса не остается выбора, как представлять Галлию и без магического зелья. В итоге Галлия побеждает, потому что ее соперники из Греции приняли волшебное зелье, украденное из шатра галлов, и были дисквалифицированы.

В основе нашего исследования лежит комплексный подход, представители которого (И.Р. Гальперин, А.А. Живоглядов, С.И. Зизин, Т.Н. Кондратьева, А.В. Суперанская и др.) рассматривают оним, одновременно как единицу языка, так и единицу речи [1, с.45]. Что объясняет целесообразность рассмотрения онимов комикса на языковом и функциональном уровне. В фокус данной статьи попадает языковой аспект. Общее количество исследуемых ономастических единиц составляет 70.

В результате анализа специфики денотативного значения имени собственного в комиксе нами было выявлено 22 топонима (La Gaule, La Grèce, Athènes), 20 антропонимов (Astérix, Obélix), 8 теонимов (Jupiter, Mercure, Zeus), 7 эргонимов (Le Temple d'Athéna Niké, L'Hellanodikéon, Le Prytanée), 4 хрематонима (Le Parthénon, La Statue du Dieu, 3 этнонима (Les Hellènes, Les Gaulois, Les Romains), 2 хрононима (Les Jeux Olympiques, Le mois d'Hecatombéon), 1 зооним (Idéfix), 1 годоним (La Nationale VII) и 1 ороним (Les Thermopyles) [6].

По соотношению с национальным именником французского языка из 70 проанализированных онимов комикса, 48 реальных (Jules

César, Les Jeux Olympiques, La Gaule и др.). Это имена и названия, взятые из реального именника эпохи, сохраняющие всю сумму социально-речевых коннотаций общего употребления и соотнесенных с реальным носителем. Имена и названия «полуреальные», то есть построенные писателем по типовой языковой модели с некоторым фонетическим изменением реальной исторической формы имени или фамилии: Tullius Mordicus, Claudius Cornedurus и 25 вымышленных: Assurancetourix, Abraracourix, Agecanonix, Bonemine и др.

Кроме того, на основании полевого подхода к ономастикону произведения, рассматривающего онимы в их взаимодействии, нами была установлена ядро и периферия. Онимы, представляющие имена главных героев и место действия событий комикса, образуют его ядро, в которое входят антропонимы - Astérix, Obélix, Panoramix и топонимы - La Gaule, La Grèce, Athènes. К околядерному пространству относятся зоонимы – Idéfix, теонимы - Jupiter, Mercure, Zeus, мифонимы - Héraclès. К периферии комикса относятся эргонимы - le Temple d'Athéna), хрематонимы - la Statue du Dieu, этнонимы - les Hellènes, хрононимы - le mois d'Hecatombéon, годоним - la Nationale VII и ороним - les Thermopyles.

Для выделения лингвистических особенностей онимов комикса актуальным является структурный аспект их изучения: во-первых, между структурой и семантикой нередко прослеживается очевидная связь; во-вторых, структура онима способствует его восприятию и запоминанию; в-третьих, определённая структура обуславливает выразительность и тем самым создает прагматический эффект. Анализ компонентного состава онимов позволил выделить:

- однокомпонентные онимы (всего 40 ед.): Astérix, Obélix, Panoramix, Assurancetourix, Abraracourix, Agecanonix, Bonemine,

Mixomatos, Calvados, Plexiglas, Fecarabos, Phidias, Héraclès, Chaussetrus, Garmonparnas, Okéibos и др.

- двухкомпонентные онимы (20 ед.): La Gaule, La Grèce, Le Pirée, Les Propylées, La Krypte, La Macédoine, Le Parthénon, L'Altis, L'Acropole, и др.

- трехкомпонентные онимы (4 ед.): Les Jeux Olympiques, Le Sénat Olympique, L'Enceinte Sacrée, La Nationale VII.

- многокомпонентные онимы (6 ед.): Le mois d'Hecatombéon, La Statue du Dieu, L'Autel de Zeus, Le Temple d'Athéna Niké.

Морфологическая структура двухкомпонентных онимов представлена следующими моделями: большинство из них представляют модель артикль+имя собственное (всего 17 ед.): La Gaule, La Grèce, Le Pirée, Les Propylées, La Krypte, La Macédoine, Le Parthénon, L'Altis, L'Acropole, Les Hellènes, Les Gaulois, Les Romains, L'Hellanodikéon, Le Prytanée, Le Bouleutérion, Les Prytanes, Les Thermopyles). Однако, среди этого типа онимов выделяется незначительное количество, представляющее модель имя+фамилия (3 ед.: Jules César, Claudius Cornedurus, Tullius Mordicus). У трехкомпонентных онимов отмечаются модели артикль+имя существительное + прилагательное (Les Jeux Olympiques, Le Sénat Olympique), причастие в функции прилагательного (L'Enceinte Sacrée) и артикль + имя существительное + числительное (La Nationale VII). Все многокомпонентные онимы представляют одинаковую посессионную модель, имя существительное + предлог de + имя существительное (Le mois d'Hecatombéon, La Statue du Dieu, L'Autel de Zeus, Le Temple d'Athéna Niké). Большинство многокомпонентных онимов относится к реальным именам собственным.

Что касается морфологического состава однокомпонентных онимов, то среди них выделяются следующие онимы, состоящие из:

- семантической основы (всего 25 единиц): Astérix, Calvados, Aquarium и др.

- семантической основа + суффикс (3 ед.): Obélix, Panoramix, Petibonum (Из них выделяются следующие модели основа+суф-ix (2 ед.): Obélix, Panoramix; основа + суф – um (1 ед.) Petibonum.

- двух семантических основ (всего 9 ед.), состоящих из:

- а) имя нарицательное + имя собственное - Fecarabos, Garmonparnas;

- б) имя сущ. + имя прил. Chaussetrus;

- в) имя прил.+ имя сущ. Bonemine, Idéfix;

- г) междометье + имя сущ. Okéibos

- д) глагол + имя сущ. Croquemithène

- двух семантических основ + суф –ix (2 ед.): Abraracourix, Agescanoxix.

Большинство онимов, состоящих из одной семантической основы относятся к реальным, антропонимам, топонимам и теонимам , соотносящимся с французским национальным именником. Остальные онимы, имеющие структурную модель основа/две основы +суф., относятся к вымышленным именам собственным, что свидетельствует об активном словотворчестве автора. Используя продуктивные словообразовательные модели (словосложение и аффиксацию), создатели комикса , тем не менее , используют суффиксы –ix; –um не являющиеся языковыми единицами французского языка.

Что касается функции онимов в предложении, то нами были выделены следующие:

- функция подлежащего : Claudius Cornedurus vient d'être sélectionné pour représenter Rome aux Jeux Olympiques. ...Rhodes n'a envoyé qu'un seul représentant, un colosse... ;

- функция именной части сказуемого: Je suis Mixomatos, guide. Depuis qu'Astérix et Panoramix sont devenus Romains, ils sont fous, eux aussi!;

- функция дополнения: Claudius Cornedurus vient d'être sélectionné pour représenter Rome aux Jeux Olympiques. La palme revient donc à ... Astérix! Ne pense plus à ces Gaulois! Je vous ferai visiter l'Acropole. Je propose que l'on envoie Garmonparnas chez les barbares pour les raisonner!;

- функция определения: Tu es pourtant de Sparte! Le Boulentérion, siège de Sénat Olympique...-Ah, le vin d'Aquitain ;

- функция обращения: Ben c'est normal, ô Tullius Mordicus , mon centurion. Franchement, Astérix, et une fois pour toutes: tu me trouves gros?;

- функция обстоятельства: Chez Calvados. L'arrivée est devant Assurancetourix... Par Minerve! Tu te souviens de cette petite auberge sur La Nationale VII? ...se déroulent tous les quatre ans à Olympie, en Grèce, chez les Hellènes au mois d'Hécatombéon.

Антропонимы, входящие в ядро ономастикона комикса (антропонимы), чаще всего, выполняют функцию подлежащего, прямого дополнения и определения, в то время как топонимы, чаще, используются в роли обстоятельства и определения. Та же самая функция наиболее распространена среди онимов, входящих в периферию комикса.

В исследуемом комиксе преобладающим типом имени собственного являются топонимы и антропонимы, представляющее ядро его ономастикона. Большую часть онимов составляют онимы реальные. Ядро представлено, главными образом, вымышленными

именами собственными. В структурном плане преобладают однокомпонентные онимы, образованные по продуктивным словообразовательным моделям современного французского языка. В синтаксическом аспекте функции онимов сходны с функциями, выполняемыми именами существительными. Проведенное исследование поставило ряд новых задач. В частности, необходимость дальнейшего изучения имен собственных, являющихся вымышленными с целью установления их внутренней формы и стилистической функции.

Библиографический список:

1. Дервяго А. Н. Имя собственное в художественном тексте: учеб.-методическое пособие. Витебск: ВГУ им. П.М.Машерова, 2008. — 239 с.
2. Козлов Е. В. Комикс как явление лингвокультуры: знак – текст – миф: учеб. Пособие. — Волгоград: ВолГУ, 2002. — 183 с.
3. Сонин А. Г. Комикс: психолингвистический анализ: монография. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 111 с.
4. Столярова Л. Г. Вербальные и невербальные компоненты коммуникации в текстах французских комиксов (на материале комиксов серии «Астерикс»): автореф. ... дисс. канд. фил. наук.: — Воронеж, 2012. — 23 с.
5. Lacassin, Francis. The Comic Strip and Film Language // Film Quarterly. University of California Press. Vol. 26, No. 1 (autumn), 1972. — P.11-23.
6. Goscinny R., Uderzo A. Astérix et Obélix aux Jeux Olympiques. — Paris : Hachette, 1968. — 49 p.

УДК 811.133.1:347.78.034

Шаповалова Е.О. Специфика функционирования авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными на материале французской прессы

Specifics of functioning of author's transformations in phraseological units with proper names on material of the French press

Шаповалова Елена Олеговна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации,
Челябинский государственный университет

Shapovalova Elena Olegovna

Ph.D., Associate Professor, Department of Roman and German languages and cross-cultural communication,
Chelyabinsk State University

Аннотация: В статье рассматриваются примеры авторских преобразований фразеологизмов с именами собственными (семантические, лексические, синтаксические, морфологические), их роль в публицистическом стиле, анализируется степень из воздействия на реципиента.

Ключевые слова: фразеологические трансформации; публицистический стиль; фразеология; фразеологизм; стилистический эффект

Abstract: In article examples of author's transformations of phraseological units with proper names are reviewed (semantic, lexical, syntactic, morphological), their role in publicistic style, is analyzed degree from impact on the recipient.

Keywords: phraseological transformations; publicistic style; phraseology; phraseological unit; stylistic effect

Цель настоящей статьи — исследование специфики функционирования авторских преобразований во фразеологизмах с именами собственными на материале французской прессы.

Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: Н.М. Шанского, Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова и др. Исходя из сравнения классификации различных авторов, можно заключить, что лингвисты не имеют единого взгляда на способы трансформации фразеологических единиц. Однако

существует общепризнанное представление о трансформации как о случайном изменении структуры или значения фразеологической единицы (далее – ФЕ), которая не препятствует ее сохранению как устойчивого сочетания слов.

Объем фразеологии и характер ФЕ – вопросы, по которым нет единого мнения у ведущих ученых. Родоначальник фразеологии, Ш. Балли, дал общее понятие ФЕ: «сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [1, с. 27].

Для настоящей статьи наиболее важными признаками фразеологизма являются фиксированность его значения, состава и структуры. Поэтому, вслед за Н.М. Шанским, под фразеологизмом мы понимаем «воспроизводимую в готовом виде языковую единицу, состоящую из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированную (т.е. постоянную) по своему значению, составу и структуре» [5, с. 32].

Трансформированная же ФЕ может быть использована в публицистическом стиле с целью эмоционального воздействия на читателя, заострения внимания на каком-либо факте, или как отличительная черта стиля автора публикации. Под трансформацией ФЕ традиционно понимается «любое (фонетическое, лексическое, синтаксическое и др.) отклонение от общепринятой нормы, закреплённой в лингвистической литературе» [4, с. 142].

Обобщив работы некоторых ученых, где представлены различные классификации видов трансформации ФЕ (Н.М. Шанского, Т.С. Гусейновой, В.В. Горлова), мы их разделили на 4 основные группы:

- 1) Семантические трансформации;
- 2) Лексические трансформации;

- 3) Синтаксические трансформации;
- 4) Морфологические трансформации.

При *семантической трансформации* состав фразеологизма остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений, и тогда достигается определенный экспрессивный эффект.

В.П. Ковалёв выделяет два типа создания фразеологического образа путем семантических преобразований: когда используется этимологический прототип фразеологизма, или когда сочетается прямое и переносное значение фразеологизма.

Приведем пример из французской прессы: «Et les lourdes pertes accumulées à Borodino, en septembre, furent fatales à Napoléon qui **connut ensuite la «Berezina»**, en novembre» [6].

Фразеологизм *connaître la Berezina* (дословно – *познать Березину*) означает потерпеть разгром, неудачу. В данном случае автор воспользовался сложным стилистическим приемом переосмысления ФЕ одновременно в двух значениях – прямом и переносном. Соответствующий контекст (повествование о походе Наполеона в Россию и переправе через реку Березина) позволяет создать фразеологический каламбур, так как во французской культуре «Березина» – это символ неудачи, разгрома войск.

При *лексических трансформациях* синтаксическая структура фразеологизма остаётся без изменений, происходит замена какого-либо компонента ФЕ с целью создания каламбура.

«La Russie est-elle encore une puissance? Quelque part, c'est plus son problème que le nôtre. Il serait temps, pour certains, de s'en rendre compte et de cesser de **bâtir des châteaux en Oural!**...» [7].

Изначально ФЕ звучит так *bâtir les châteaux en Espagne* (дословно – *строить замки в Испании*, есть строить воздушные замки, замки на песке), однако автор заменяет слово "Испания" на другой топоним – Урал. В данном примере обыгрывается образ региона как центр металлургии России, который уже потерял свою былую мощь, превратившись в «замки на песке».

Синтаксические трансформации ФЕ приводят к удлинению, укорачиванию или изменению синтаксической структуры фразеологизма. К данному типу трансформаций относят: редукцию (эллипсис); добавление (вклинивание) компонентов; изменение коммуникативного типа предложения; контаминацию и аллюзию.

«"Le temps des candidatures n'est pas venu." Dans son bureau de l'hôtel de ville, Philippe Bonnecarrère semble vouloir éluder la question qui ***taraude tout le landerneau politique*** local depuis qu'il a annoncé que son mandat à la tête d'Albi serait le dernier» [7].

Faire du bruit dans le Landerneau – *наделать много шума*, в данном выражении используется название небольшой французской деревушки, которое стало именем нарицательным. В приведенном примере автор добавляет прилагательное *politique* (политический) для создания образа политических кругов, как ограниченной группы лиц, где новости и сплетни разносятся очень быстро. Таким образом, автор сразу указывает, среди каких групп населения данная новость произведет наибольший эффект.

К *морфологическим трансформациям* относятся изменения в грамматическом аспекте фразеологического значения (модификации артиклей, числа существительных, формах степеней сравнения прилагательных, временные формы глаголов и т.п.). Подобные трансформации, безусловно, способствуют оживлению образа

фразеологизма и привлечению внимания читателя, однако, по нашему мнению, в меньшей степени, чем рассмотренные выше первые три вида авторских преобразований.

Приведем пример: «Mais, en finance aussi, la globalisation est un fait, et la mondialisation des marchés est le corollaire de celle des émetteurs et des investisseurs. A quoi bon ***dresser des lignes Maginot?***» [8].

Линия Мажино – система военных укреплений на границе Франции и Германии, является символом ограждения от врага (французов от немецких фашистов). В приведенном выше примере мы наблюдаем замену единственного числа на множественное (*la ligne Maginot* – *des lignes Maginot*) с целью подчеркнуть большое количество принимаемых мер по защите интересов французских производителей в условиях глобализации.

Таким образом, проведенное исследование показало, что использование ФЕ является отличительной чертой французского публицистического стиля. Использование же ФЕ, в составе которых имеются «говорящие» имена собственные позволяет журналистам использовать все богатство языка для воздействия на читателя, для передачи в некоторых случаях собственного отношения к описываемой проблеме, создания комического эффекта. Авторские трансформации фразеологизмов подобного типа делают язык автора неповторимым, приносят «изюминку» в статью, подчеркивают уникальность авторского стиля.

Библиографический список:

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли // М.: Либроком, 2009. – С. 27
2. Горлов, В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газеты / В.В. Горлов // Русская речь. – 2003. – 235 с.

3. Гусейнова, Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале газет 1998-2000 гг.: автореф. дис. канд. филологических наук / Т.С. Гусейнова // Махачкала. – 2000. – 23 с.

4. Елистратова, Е.Д. Трансформация фразеологических оборотов в средствах массовой информации / Е.Д. Гусейнова // М. – 2013. – 142 с.

5. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка: Изд.6 / Н.М. Шанский // М. – 2012. – 279 с.

6. La Croix [электронный ресурс], URL: <http://www.la-croix.com>

7. Le point [электронный ресурс], URL: <http://www.lepoint.fr>

8. Les échos [электронный ресурс], URL: <https://www.lesechos.fr>

СЕКЦИЯ 5. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81

Долженков В.Н. Интерпретация, как значимое свойство восприятия и понимания

Interpretation, as a significant property of perception and understanding

Долженков Валерий Николаевич,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Московский авиационный институт, г. Москва

Dolzhenkov Valeriy Nikolayevich,
Ph. D. in Philology, Associate Professor, Department of theory and practice of
translation
Moscow aviation Institute, Moscow

Аннотация: Интерпретация как деятельностное свойство зависит от набора компетенций интерпретатора и правильного выбора высказываний в определенном контексте. Термин «интерпретация» не только многозначен, но и обладает разнообразной сочетаемостью.

Ключевые слова: интерпретация, высказывание, смыслообразование.

Abstract: Interpretation as an activity property depends on the interpreter's competence set and the proper choice of statements in a certain context. The term "interpretation" is not only polysemantic, but also has a variety of compatibility.

Keywords: interpretation, statement, semantic formation.

В лингвистической теории интерпретации признается, что интерпретация - существенное свойство восприятия и понимания речи человеком. Прежде всего, смыслообразование в интерпретации рассматривается современной наукой как деятельность субъекта. «Понимать не означает более воспринимать нечто пассивным образом, но подразумевает способность создавать смыслы и работать с ними, т.е. деятельность во всей ее обусловленности» (1, с. 71).

Понимание психолингвистической природы семантической обусловленности высказывания диалога вербальной актуализацией имплицитных теорий личности весьма значительным образом связано с понятием смыслообразования при интерпретации высказывания,

поскольку именно для интерпретации его реципиентом и строится высказывание диалога с адаптированной к интерпретации семантической структурой.

В.З. Демьянков, авторитетный специалист по проблеме интерпретации, пишет: «Мы же утверждаем, что человеку свойственно интерпретировать, а не анализировать. И если мы хотим построить систему искусственного интеллекта, а не искусственного анализа, мы должны стремиться к моделированию именно интерпретации. Ведь уже сама целенаправленность восприятия речи означает необходимость интерпретационных мерок» (2, с. 7). Как мы убеждаемся, ученый не прошел мимо существенности фактора адресата в процессе смыслообразования в интерпретации, отметив, что интерпретация предполагает восприятие высказывания «как бы» глазами другого человека, соотнося организацию текста с внутренними устремленностями реципиента.

Один из центральных пунктов интерпретации состоит в том, насколько адекватными, специфическими и точными могут быть действия интерпретатора. Интерпретации зависят от запаса компетенций интерпретатора и от правильного выбора соответствующих ситуации структур (4, с. 130). Это общее положение теории понимания и интерпретации прямо указывает на подразумеваемую (имплицитную) теорию личности как на важнейший фактор смыслообразования, поскольку имплицитные теории личности входят в состав компетенций интерпретатора и образуют один из типов структур, используемых при интерпретации для смыслообразования.

В самом деле, можно ли адекватно интерпретировать, корректно понять следующее высказывание, сформулировать смысл сказанного,

если не располагать соответствующими структурами подразумеваемой теории личности?

- I won't tell you another thing. You haven't any right to ask me (Dreiser T.: 104) (*Я больше тебе ничего не скажу. У тебя нет никакого права меня расспрашивать*) - данное высказывание может быть адекватно понято только при условии наличия в сознании интерпретатора определенного фрагмента подразумеваемой теории личности, согласно которому расспрашивать кого-либо обладает правом субъект, имеющий соответствующий социальный статус.

Исходной точкой интерпретации является понятие некоторого объекта в качестве знака, то есть «презумпция интерпретируемости» (2, с. 7). В нашем случае таким объектом интерпретации является высказывание (реплика) диалога на фоне интерактивного диалогического целого. Важным аспектом влияния интерпретивизма на языкознание стало применение способа логического анализа языка для вычисления значений или возможности интерпретации определенного вида высказываний в определенном контексте (так называемая проблема «интерпретируемости высказывания») (См. ее понимание в работах: Демьянков В.З. 1988; 1989). Речь идет о значении «интерпретации» в лингвистической схеме анализа как «приписывании смысла», «сопоставлении лингвистических гипотез», «объяснении» и «экспликации» как «прояснении» смысла, носящими теоретический и практический характер и имеющих определенные «исторические функциональные стили» и «семантическую» или «структурную» направленность (3, с. 47).

Необходимо подчеркнуть, что современный лингвистический подход к интерпретации и смыслообразованию в ней представляется более широким, чем парадигмы анализа, способы преобразования

предложений, разработанные, например, в американской лингвистике и представляющие направление синтаксической интерпретации (Н. Хомский, Дж. Лакофф., Дж. Грубер), семантической интерпретации (Р. Мур, Ч. Филлмор) логических знаков предложения, грамматической и прагматической интерпретации, а также интерпретации дискурса как «сплочения некоторого воображаемого мира по ходу создания текста способом «предложение за предложением» (3, с. 44). С другой стороны, как метод лингвистического (частнонаучного) анализа «интерпретация» обозначает операцию, органически связанную с теорией моделей теорией доказательств, то есть приписыванием символам их значений, установлением истинности высказывания в результате приведения их к такому виду, в котором каждый из термов пропозиций заменяется на истинностную оценку, а затем с помощью специальных таблиц выявляется истинностное значение целого выражения.

Лингвистические теории используют термин «интерпретация» в различных контекстах с употреблением большого количества лингвистических понятий. Однако, наиболее подходящим для теории языка подходом с точки зрения лингвистической теории является все же анализ процедур грамматической, морфологической и синтаксической интерпретации, соответствующих правил и ограничений. В.З. Демьянков, в частности, отмечает, что термин «интерпретация» не только многозначен, но и входит в понятийное поле таких слов обыденного языка и терминов логики и лингвистики, как: значение, характеристика, понимание, понятие, коннотация, денотация, десигнация, интенционал, референция, репрезентация (представление), смысл, сигнификация, символизация и многие другие (3, с. 40) (ср. «Тезаурус» Роже (статья 522), где термин «интерпретация» входит в

класс «интеллект», раздел передача идей», подразделение «природа передаваемых идей» (Roget, 1977). Этот же термин обладает и разнообразной сочетаемостью: «интерпретация высказывания», «интерпретация языка» и даже «интерпретация (т. е. понимание) чужой жизни» (Roget, 1977). Структурный подход в лингвистике позволяет с помощью процедуры интерпретации взглянуть на объект интерпретации как на развивающийся феномен параллельно своему контексту и частично определяющий этот контекст.

Библиографический список:

1. Барковский П. Феномены понимания. Контурь современной герменевтической философии. - Минск: Экономпресс, 2008.
2. Демьянков В.З. Интерпретация человеческая и интерпретация машинная // Перевод и автоматическая обработка текста. - М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988.
3. Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.
4. Лукманн Т. Конституирование языка в повседневной жизни // Концептуализация и смысл. - Сборник научных трудов. - Новосибирск: Наука, 1990.

СЕКЦИЯ 6. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

Меринова Е.Р. Обозначение мимических признаков обмана при верификации поведения, выдающего скрытые и фальсифицированные эмоции, в лексической системе русского, английского и немецкого языков (на материале книги П.Экмана «Психология лжи. Обмани меня, если сможешь»)

Designations of facial clues to deceit during behavior's verification revealing concealed and false emotions in Russian, English and German lexical systems (based on P. Ekman's book "Telling lies")

Меринова Екатерина Руслановна,
студент, Институт Иностранных языков, кафедра контрастивной лингвистики,
Московский педагогический государственный университет, РФ, г. Москва

Merinova Ekaterina,
student, the Institute of foreign languages, the chair of contrastive linguistics,
Moscow state pedagogical university, Russia, Moscow

Аннотация: Данная статья посвящена сопоставлению лексических систем английского, немецкого и русского языков для обозначения мимических выражений в аспекте обнаружения обмана.

Ключевые слова: сопоставительное языкознание; психология; английский язык; немецкий язык; русский язык; верификация; эмоции;

Abstract: This article focuses on comparing, English, German and Russian lexical systems for designations of facial clues to deceit.

Keywords: the word; psychology; English language; Deutsch language; Russian language; verification; emotions.

Непосредственной частью нашей повседневной жизни стало скрывание эмоций или обман. По статистике, современный человек в среднем лжет трижды за десять минут разговора. Однако скрыть обман чрезвычайно сложно ввиду наличия определенных идентификаторов тела, лица или голоса, указывающих на ложь. В статье исследуются

лексические единицы, обозначающие мимические признаки обмана, и их функционирование в английском, немецком и русском языках.

Лицо является эмоционально-сигнальной системой, показателем истинных чувств и эмоций, испытываемых человеком, потому, что мимика имеет свойство быть неподвластной намерениям и мыслям. Тем не менее, мы в состоянии контролировать свою мимику и чаще всего не хотим позволить людям увидеть правдивые эмоции, вследствие чего лицо одновременно может и говорить правду и лгать, сочетая искренние и фальшивые выражения без нашего ведома. В ходе сопоставительного исследования мы сравнили наименования мимических признаков скрытых и фальшивых эмоций, а также отдельно выделили названия некоторых типов улыбок.

К признакам скрытых эмоций относятся *микровыражения лица* и *смазанные выражения*. Микровыражение – это мимолетное непроизвольное выражение лица, являющееся результатом подавляемой эмоции и проявляющееся не более чем на четверть секунды. Этот термин, собственно, как и последующие термины, рассматриваемые в данной статье, ввел в обиход американский психолог, доктор философских наук, профессор Пол Экман, совместно с Джоном Готтманом и Уиллом Кондоном, являющийся первопроходцем, в частности, в области микровыражений как признака обмана, и посвятивший изучению феномена лжи и анализу невербального поведения всю жизнь.

Смазанные выражения – это выражения, при которых человек успевает осознать появление этого выражения и пытается прикрыть его выражением другой эмоции, например, печаль или презрение

прикрываются улыбкой. Такие выражения длятся несколько дольше, чем микровыражения.

В оригинале книги и её переводе на немецкий язык данные лексемы выражены следующими словосочетаниями соответственно: *micro expressions – den Mikroexpressionen, squelched expressions – abgebrochene Gesichtszüge*. В аутентичном тексте во втором словосочетании употреблено прилагательное *squelched*, обозначающее «подавленный, обрезанный», что в переводе на русский язык нашло отражение лексемой «смазанный», а в немецком – *abgebrochen*, означающей «прерывистый, прерванный». Исследуемые лексические единицы в русском и немецком языках, в целом, представлены приближенными к оригиналу лексемами, а не дословно переведены, что отражает многообразие и индивидуальность каждого языка.

Третьим признаком утаивания эмоций является выражение глаз: *направление взгляда; моргание; расширение зрачков*. В английской и немецкой лингвокультурах эти признаки представлены лексическими единицами *the direction of gaze – Blickrichtung, blinking – Blinzeln, pupil dilation – die Pupillenerweiterung*. Как можно заметить, значения трёх лексем полностью совпадают во всех сравниваемых лексических системах.

К признакам фальсификации эмоций относятся *асимметрия, длительность и несвоевременность выражения лица*. Асимметричное выражение лица обуславливается проявлением одной и той же эмоции на одной из половин лица сильнее, чем на другой. Длительность есть «общая протяженность мимического выражения во времени, от момента его появления (время появления) до полного исчезновения (время исчезновения)» [5, с. 145]. Несвоевременность выражения лица

– несоответствие выражения по отношению к речи и интонации (появляется позже или раньше выражаемой эмоции). В сравниваемых с русским вариантом языках признаки фальсификации эмоций выглядят следующим образом: *asymmetry* – *Asymmetrie*, *timing* – *zeitliche Abstimmung*, *location in the conversational stream* – *die Position im Gesprächsfluss*. Во втором случае перевод на русский язык приближен к оригиналу, в то время как немецкий вариант *zeitliche Abstimmung* (временное согласование) более приближен по структуре своего перевода к значению третьего признака фальсификации эмоций. Словосочетания *location in the conversational stream* и *die Position im Gesprächsfluss* аналогичны, но в русском переводе исследуемое словосочетание имеет дополнительную коннотацию – указание на мимику как экстралингвистический фактор.

Одним из важнейших выражений лица является улыбка. Существует множество разновидностей улыбок, среди номинаций которых мы рассматриваем словосочетания *искренняя улыбка*, *притворная улыбка* и *прикрывающая улыбка*. В оригинале и немецком языке соответственно они выражены следующими словосочетаниями: *felt smile* – *empfundenen Lächeln*, *the false smile* – *das falsche Lächeln*, *a mask the false smile* – *das falsche Lächeln als Maske*. Отглагольное прилагательное в первом словосочетании в оригинальном тексте и переводе на немецкий язык имеет значение «испытываемый» и представлено в русском переводе как «искренний», вследствие чего происходит лексическая замена, обуславливающая иную семантику, однако, на наш взгляд, вариант, данный переводчиком, звучит более корректно в соответствии с нормами современного русского литературного языка.

Интерес для лингвистического исследования представляет перевод на русский язык словосочетания *a mask the false smile* (*маска фальшивой улыбки*), имеющее в немецком переводе практически полное соответствие (дословный перевод – *das falsche Lächeln als Maske* – *ложная/фальшивая улыбка в качестве маски*). Тем не менее, в переводе данного словосочетания на русский язык лексемы *mask/Maske* и *false/falsche*, объединяются одной лексемой – «прикрывающий». Данная лексическая единица образована от глагола, имеющего значение «скрывать, прятать», что указывает нам на утаивание истинного отношения к происходящему.

В ходе данного исследования нами было выявлено, что в немецком и русском варианте книги «Telling lies» у переводчиков возникала необходимость подбора лексических единиц, отражающих максимально точно аутентичные варианты с учетом специфики области перевода. Также стоит заметить, что в русском варианте перевода многие лексемы оригинальной книги заменены на приближенные к ним варианты. Семантика лексических единиц, которые мы рассматривали, связана, прежде всего, с желанием человека выставить на показ поддельные эмоции с целью скрыть истинные мотивы своего поведения, что также уводит исследование в область когнитивной психологии, с которой тесно связана когнитивная лингвистика, изучающая проблемы соотношения языка и сознания, связь мышления с концептуализацией человеком действительности, что выражается в необходимости языкового выражения определённых интенций.

Библиографический список:

1. Ekman P., Ich weiss, dass du lügst: Was Gesichter verraten. Rowohlt-Taschenbuch-Verl, 2011. 510 с.
2. Ekman P., Telling lies. Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage. W. W. Norton & Company Ltd, 1992. 366 с.
3. Houston P., Floyd M., Carnicero S. Spy the Lie: Former CIA Officers Teach You How to Detect Deception. St. Martin's Griffin, 2013. 272 с.
4. Trovillo P.V., History of Lie Detection.// Journal of Criminal Law and Criminology. 1939. Volume 29. Issue 6 March-April. P. 848-881.
5. Экман П., Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб: Питер, 2010. 377 с.
6. Экман П., Узнай лжеца по выражению лица. СПб: Питер, 2010. 272 с.

СЕКЦИЯ 7. ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 347.78.034

Мещерова Н.Л. Практическая транскрипция имен собственных при переводе с бразильского варианта португальского языка на русский

Practical transcription of proper nouns in translation from Brazilian Portuguese into Russian.

Мещерова Наталья Леонидовна,
Студентка факультета иностранных языков,
Томский государственный университет
РФ, г.Томск

Meshcherova Natalia Leonidovna,
Student of Foreign languages faculty,
Tomsk State University
Russia, Tomsk

Научный руководитель:
Митчелл П.Д., д.п.н., доцент каф. Английской филологии,
Томский государственный университет
Scientific advicer: Mitchell P.D., Doctor of Education, associate professor
of Foreign languages faculty
Tomsk State University
Russia, Tomsk

Аннотация: Развитие отношений между Россией и Бразилией требует всё большего внимания к вопросам перевода. Одним из важнейших аспектов межкультурной коммуникации является точная и корректная передача имен собственных при переводе. Предложенные в статье правила могут облегчить работу переводчика.

Ключевые слова: язык, перевод, практическая транскрипция, бразильский вариант португальского языка.

Abstract: Nowadays, translation issues from Brazilian Portuguese are becoming more important because of development of relationships between Brazil and Russia. One of these issues is correct and accurate rendering of proper names. The proposed into the article rules can make a work of translators easier.

Keywords: language, translation, practical translation, Brazilian Portuguese.

Взаимоотношения России и Бразилии в современном мире являются примером постоянно укрепляющегося сотрудничества. Связи в сферах торговли, политики и науки превращают полноценное и

глубокое изучение языка страны-партнера в необходимость. Обучение португальскому языку активно исследуется в России[5, 9]. И если лингвистические исследования бразильского варианта португальского достаточно развиты в наши дни, то работы в сфере теории перевода с этого языка представлены в основном публикациями времен СССР.

Одним из важнейших моментов в коммуникации представителей разноразличных стран является точная и корректная передача имен собственных. Наука выделяет три основных способа донесения имен, топонимов и прочих наименований: смысловой перевод, транслитерация – побуквенная передача слова без учета его фонологического и морфологического состава и практическая транскрипция – метод передачи слова с учетом фонологической системы языка-источника [8]. Наиболее оптимальным в современных условиях представляется последний метод, так как смысловой перевод доступен только в случае наличия у переводимого имени собственного дополнительного лексического значения, а транслитерация зачастую искажает фонологический образ слова и может приводить к недопониманию при коммуникации с использованием транслитерированных имен собственных. Основным достоинством практической транскрипции является возможность прямой передачи слова из языка-источника в язык-приемник без искажений или же с минимальными потерями.

Проблема практической транскрипции имен собственных при переводе с бразильского варианта португальского языка на русский в свете укрепляющихся отношений стран становится все более насущной, но посвященные этому вопросу издания в наши дни являются устаревшими, а неточности, допущенные в них, – критическими. Несомненно, изменения в строе португальского языка

повлекла за собой и реформа 2009-2012 годов[10], а это сделало имеющиеся работы, опубликованные раньше последней даты, менее актуальными. Также, за последние несколько лет не было публикаций, посвященных этой теме и учитывающих особенности диалектов внутри страны, которые также влияют на фонетический облик каждого конкретного слова.

Стоит отметить, что несмотря на небольшие расхождения с современными нормами и некоторые неточности, труды Р.С.Гиляревского, Б.А.Старостина[1] и Д.И.Ермоловича[2] являются базовыми пособиями при работе с практической транскрипцией имен собственных португальского языка. Большой вклад в развитие исследования теории практической транскрипции внесли А.В.Суперанская[8] и Э.С.Клышинский[6], чьи работы и в наши дни являются основополагающими при изучении методик перевода имен собственных.

Цель данной статьи – сформулировать основные правила практической транскрипции имен собственных при переводе с бразильского варианта португальского языка на русский и рассмотрение возможных вариантов с учетом последних исследований в области диалектологии португальского языка. Заполнив пробел в современной португалистике, это исследование будет полезно для работников всех сфер перевода, так как имена собственные являются категорией, встречающейся в любой области переводческой деятельности.

Традиционно практическая транскрипция подчиняется нескольким принципам:

- 1) необходимо учитывать соответствия и несоответствия буквенных систем обоих используемых языков;

2) необходимо учитывать сходства и различия фонологических систем обоих используемых языков;

3) следует по возможности избегать неблагоприятных ассоциаций в языке-приемнике, неблагозвучия (т.е. при наличии двух аналогичных вариантов транскрипции применять более благозвучный)[8]

Применяя эти принципы к условиям перевода с бразильского варианта португальского языка на русский, мы получаем более близкие к практике пожелания, которые будут рассмотрены ниже.

Письменность русского и португальского языка базируется на двух различных системах: кириллической и латинской, осложненной системой диакритических знаков, что не может не повлечь за собой определенные сложности при транскрибировании. Одной из них является численное и качественное несоответствие символов, а как следствие – возможность представления одного звука различными символами (и наоборот – способность одного символа выражать различные звуки), что влечет за собой вариативность транскрипции. Существуют различные мнения по этому вопросу, но видится вполне логичным вывод о том, что дабы избежать «двойных», вариативных переводов имен собственных, одновременное существование которых в языке может повлечь за собой досадные последствия, следует принять некий стандарт практической транскрипции.

Отсутствие подобной системы на протяжении языковых контактов России и Португалии, а затем России и Бразилии, по мнению А.Родосского, повлекло за собой чудовищные искажения при передаче имен собственных [7]. Действительно, до создания первого нормативного документа в области передачи имен собственных с португальского языка на русский - «Инструкции по русской передаче географических названий Португалии и Бразилии»[3] -

транскрибирование имен собственных оставалось полностью на совести переводчика. Недостаточно близкое знакомство переводчиков с фонетической системой португальского языка и вариативность при транскрибировании привело к появлению дублирующих друг друга форм португальских имен собственных. Например, русские адаптации «Жозе», « Жосе», « Жузе» и «Жозэ» являются плодами попыток передать одно португальское имя Jose.

Составленный на основе «Инструкции...»[3] раздел справочника Р.С.Гиляревского и Б.А.Старостина «Иностранные имена и названия в русском тексте»[1], посвященный португальскому языку стал ещё одной ступенью развития практической транскрипции португальских и бразильских имен собственных. К сожалению, некоторые неточности мешают признать это издание полностью актуальным на данный момент, но заложенные в нем основы могут послужить материалом для многих работ и исследований.

Практически целиком дублирует материалы этого издания в своем справочнике и Д.И.Ермолович[2], что является достаточно печальным фактом, так как его труд – последняя комплексная работа, посвященная проблеме практической транскрипции с португальского языка на русский.

Рассмотрим основные положения имеющихся в нашем распоряжении трудов и попробуем критически их проанализировать в свете имеющихся в наши дни знаний о фонетике бразильского варианта португальского языка. Заранее хочется предупредить читателя о том, что правила практического транскрибирования не распространяются на сложившиеся традиционно соответствия именам собственным, которые уже зафиксированы, несмотря на искажение фонологического

образа слова, в авторитетных источниках: научных энциклопедиях, географических картах, словарях и т.д. [1]

Для удобства описания транскрипции конкретных звуков разделим их на несколько категорий: одиночные гласные, одиночные согласные, дифтонги и сочетания гласных и сочетания с согласными. Такое деление обусловлено также тем, что многие из сочетаний, объединенных в данные группы имеют аналогичные правила прочтения, а следовательно и транскрибирования.

Транскрибирование одиночных гласных, пожалуй, является наименее сложным элементом транскрибирования. Независимо от наличия диакритических знаков, так как оттенки, вносимые ими в произношение звуков являются непередаваемыми посредством русского языка, звуки, обозначаемые одиночными гласными в целом транскрибируются «как слышатся».

«А» в большинстве случаев передается посредством русской «а». В случае, если в слове-оригинале она находится после мягкого согласного или гласного, официальные источники предлагают транскрибировать её как «я». И если в словах типа «Carvalhal» транскрипция «Карвальял» выглядит вполне оправданной, то в случае, например, со словом «Noticia» транскрипция «Нотисия» выглядит неуместной и искажающей исконное произношение, более близким к оригиналу кажется «Нотисиа» без йотации. «Ã» рекомендуется транскрибировать как «ан» или «ян» (в случае если она находится после мягкого согласного) [1]. Например, «Meã» - «Меан».

Транскрипция португальской «Е» зависит от её позиции и может быть выражена тремя русскими буквами: «Е», «Э» и «И». В целом, справочник Р.С.Гиляревского и Б.А.Старостина [1] дает вполне четкую систему распределения ролей этих вариантов. Под ударением и в

предударных слогах в начале слова и после всех гласных, кроме «I», получаем «Э» (например, «Edgardo» - «Эдгарду»); при тех же условиях, но в середине слова после согласных и «I» - транскрибируем как «Е» («Peneda» - «Пенеда»), а в заударных слогах, союзе «е» и предлоге «de» - как «И» («Sales» - «Салис»). Сомнительным выглядит лишь тезис о том, что в бразильском варианте «Е» в слабой позиции не редуцируется, а значит, должен транскрибироваться как «Е», что становится исключением из вышеописанного правила. В фонетике современного бразильского варианта португальского языка[4] явление редукции гласных в конце слова выражено так же ярко, как и в иберийском варианте, а следовательно необходимости вводить какие-либо исключения в этом случае нет.

«I» практически всегда передается посредством русской «И», кроме случаев, когда она находится в середине слова после гласной и перед согласной или между двумя гласными. В этом случае рекомендуется транскрибировать её как «Й»[2], что вполне соответствует фонетическим нормам. Например «Noite» - «Нойче» или «Maiorga» - «Майорга».

Транскрибирование «O» обуславливается только её позицией в слове. В сильной позиции – «О», в слабой – «У» («Porto» - «Порту») [1]. Ранее, как и в вышеописанном случае с «Е», также было популярно мнение, что в бразильском варианте португальского редукция отсутствует, но современная фонетика опровергает это утверждение[4].

«U» транскрибируется по аналогии с «А» посредством русских «у» и «ю» соответственно («Urbano» - «Урбану», «Garanhuns» - «Гараньюнс») [1].

«Y», будучи заимствованным символом, не встречающимся в исконно португальских словах, транскрибируется по правилам языка-источника или, если возможности установить происхождение слова нет, по аналогии с «I».

Передача одиночных согласных при транскрибировании имен собственных так же не представляет особой сложности для переводчика. Большая часть из них имеет только один аналог в русском языке. Так, португальские «B», «ç», «D», «F», «J», «N», «P», «R» и «V» передаются как «Б», «С», «Д», «Ф», «Ж», «Н», «П», «Р» и «В» соответственно. «Н» в начале слова не обозначает звука вообще, следовательно, не транскрибируется, а после согласной указывает на мягкость предыдущего звука аналогично русскому мягкому знаку [1].

Транскрипция португальской «C» зависит от следующей буквы: перед «A», «O», «U» и согласных она передается как русский «K» («Catarina» - «Катарина»), а во всех остальных случаях как «C» («Cidadel» - «Сидадела»)[1]. В дореформенных справочниках упоминается, что перед некоторыми согласными «C» не обозначала звука, но после 2009 года подобные произносимые сочетания в португальском были упразднены[8]. Аналогична транскрипция и буквы «G». Она транскрибируется как «Г» и «Ж» соответственно. («Gustavo» - «Густаву», «Gilberto» - «Жилберту») [1].

«M» транскрибируется как русская «М», если она находится перед гласными или согласными «B» и «P», а в остальных случаях – как «Н»[1]. Например, «Bomfim» будет передано как «Бонфин».

«S» при транскрибировании бразильских имен собственных в основном передается русским «С», за исключением тех случаев, когда она находится в середине слова между двумя гласными и в конце слова в сложных названиях, когда следующее слово начинается с гласного –

тогда он передается посредством «З» [2]. Так, «Trancoso» передается как «Транкозу»

«Т» большая часть источников рекомендует транскрибировать посредством русской «Т»[1-3], игнорируя фонетическую особенность бразильского варианта – в нем находящийся перед заударной гласной «Т» обозначает звук более близкий к русскому «Ч»[4], и, возможно, должен транскрибироваться именно так. Например, гораздо ближе к слову «Noite» будет передача его как «Нойче», а не «Нойте».

Достаточно сложно определить какие-либо правила при передачи звука, обозначаемого буквой «Х», так как он может обозначать звуки [кс], [с] и [з] в одной и той же позиции – перед гласными. Зачастую слова, в которых используется эта буква являются заимствованными (в основном из английского языка) и должны передаваться по правилам произношения этого языка.

«Z» передается через «С», в случаях оглушения – при позиции в конце слова и перед глухим согласным («Luiz» - «Луис»), а в остальных случаях – через русскую «З» («Luizmina» - «Луисмина»)[1].

Буквы «К» и «W» не используются в исконно португальских словах и также транскрибируются по правилам языка-источника.

Практическая транскрипция дифтонгов и сочетаний гласных – предмет частых споров в португалистике. Так, большая часть критики А.Родосского[6] по отношению к справочнику Р.С.Гиляревского и Б.А.Старостина[1] приходится на выявление неточностей именно в дифтонговых сочетаниях.

Так, дифтонг «ãe» рекомендуется передавать как «айн» или «ййн»(после мягких согласных)[1-3], но гораздо более близким к фонетической норм бразильского португальского оказывается транскрипция «аин» и «яин» соответственно[4]. Например, «Ruivães»,

ранее передаваемое как «Рувайнш» (конечный «с» переходит в «ш» по правилам транскрипции иберийского португальского) лучше транскрибировать как «Руваинш» (или «Руваинс», если бы это слово имело бразильское происхождение).

Сочетания же «ãо» и «õe» не стали предметом разногласий, они передаются как «ан» («ян» после мягких согласных) и «ойн» соответственно [1]. Так, «João» будет передано как «Жуан», а «Simões» как «Симойнс».

«IA» может, в зависимости от позиции, транскрибироваться двояко. После согласного или в начале слова это сочетание транскрибируется побуквенно – «ИА» («Iaso» - «Иаку»), а после гласного при безударном I сливается в «Я» («Sabóia» - «Сабоя»)[2].

«IO» также имеет несколько вариантов передачи: если под ударением находится хотя бы одна из гласных – «ИО», кроме случаев, когда это сочетание находится после гласных с ударной «О» (тогда передается «ЙО»), на конце слова после гласных это сочетание передается одной русской «Ю», а после согласных через «ИУ» [1]. Таким образом, «Maхial» передается как «Машиал», «Maiorga» - как «Майорга», «Leio» - как «Лею», а «António» - «Антониу».

В сочетании «IU» правила передачи достаточно похожи на описанные выше: после гласного – «Ю» («Bocaiúva» - «Бокаюва»), после согласного – «ИУ» («Vinicius» - «Винисиус»)[1].

«OU» же в большинстве случаев транскрибируется посредством одного «О» [2]. Например, «Sousa» транскрибируется как «Соза»

Значительно сократился после реформы раздел посвященный сочетаниям с согласными – многие сочетания с непроизносимыми звуками были упрощены [10], что, несомненно, облегчило работу переводчикам. Из оставшихся можно выделить «gu» и «qu», которые

транскрибируются как «Г» и «К» соответственно, если после этого сочетания следует Е или I («Guilhermino» - «Гильермину»), и как ГУ и КУ во всех остальных случаях («Gustavo» - «Густаву»). Также достаточно частотным является сочетание «СН», передающееся русской «Ш» во всех случаях, кроме грецизмов – в них оно передается по правилам транскрипции с греческого, то есть как «К»[1-3]. Например, «Charesoense» мы передаем как «Шапекоенси», в то время как «Echo» - «Эку».

Но даже использование точной системы не может застраховать переводчика от появления неблагозвучности или неуместных ассоциаций с именем собственным. В таких случаях представляется возможным пожертвовать точной фонетически передачей в пользу, например, графической передачи, если при ней неблагозвучие аннулируется. Так можно было бы поступить при передаче фамилии бразильского писателя Жоржи Амаду, которая в русской разговорной речи произносится с искаженным ударением на последнем слоге, явно по ложной аналогии с заимствованным «какаду». Избежать этого можно было бы, передав её как «Амадо», что незначительно исказило бы фонетический облик слова, но позволило бы получить совершенно нейтральное с точки зрения свободных ассоциаций имя собственное.

В целом, передача имен собственных является сложной переводческой задачей при работе с любыми языками. Обилие возможных методов перевода и интерпретаций результатов постепенно ведет к появлению сложной и разносторонней системы передачи имен собственных, объединяющей в себе все упомянутые в начале статьи методы передачи имен собственных. Изучение и посильный вклад в её развитие является насущной задачей для современного

переводоведения, и каждый «кирпичик», каждое новое слово в этой теме на данный момент фундаментально важно.

Библиографический список:

1. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. М., 1978
2. Ермолович Д. И. Методика межъязыковой передачи имён собственных. — М.: ВЦП, 2009.
3. Инструкция по русской передаче географических названий Португалии и Бразилии / Сост. И. П. Литвин; Ред. К. Т. Бойко. — М., 1974 – 44 с.
4. Мазняк М. М., Николаева Е. С. Вводный фонетический курс португальского языка с грамматическими комментариями: учебно-методическое пособие / Рецензенты М. В. Зеликов, А. В. Родосский, Ж. Душ Рейш. — СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 2013
5. Петрунин М.С. Методика формирования полилингвальных лексико-грамматических навыков речи студентов при изучении языков романской группы. Автореф. дисс. ... кандидат педагогических наук. МГГУ им. М.А.Шолохова, 2013г.
6. Практическая транскрипция личных имен в языках народов мира; ред.Клышинский, Э.С.; Изд-во: М.: Наука, 2010 г
7. Родосский А. В. Португальские имена и названия в русском тексте: история и перспективы // Актуальные проблемы романистики. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2007.
8. Суперанская А.В. Теоретические основы практической транскрипции. М.: Наука, 1978. 283 с.
9. Mitchell Peter J. Paradinho Luciano Aguiar, Ermakova-Aguiar Nataliya N., Meshkov Lev V. Language learning and intercultural

communicative competence: an action research case study of learning of Portuguese. // Procedia – social and behavioral sciences, 2015г. Том 200, С.307-312.

10. О реформе 2009-2010 годов // Справочно-информационный портал португальского языка Бразилии Portugues.pro 2010-2011. URL: <http://www.portugues.pro/guia/reforma/>

СЕКЦИЯ 8. ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

УДК 7.73

Жукова А.В. О тенденциях современной профессиональной хореографии Канады

About the Tendencies of Canadian Professional Choreography

Жукова Анастасия Витальевна,

Кандидат культурологии, ст. преподаватель кафедры восточных языков,
НОУ ВПО Московский институт иностранных языков (частный вуз)

Zhukova Anastasiya Vitaliyevna,

Cultural Studies D, senior lecturer of Eastern Languages section,
Moscow Institute of Foreign Languages (non-state)

Аннотация. Современная хореография Канады во всех видах танца отличается продуманной драматургией, эпическим повествованием и яркой эмоциональностью.

Ключевые слова. Современная хореография Канады; классический балет; музыкальный театр; драматический театр; театр балета; опера; современный танец.

Abstract. The Canadian Contemporary Choreography of all dance genres has special features as epic retelling in well-done dramaturgy by different plastic/ dance forms.

Keywords. The Canadian Contemporary Choreography; all dance genres; classic ballet; musical theatre; drama theatre; the ballet theatre; opera; modern dance.

1. Предпосылки широкого интереса канадцев к танцевальному искусству

Канада при всем многообразии проявлений разных культур на ее территории и активном интересе к развитию профессионального и самодеятельного, в частности, танцевального искусства, всегда шла в ногу со временем, с одной стороны, и оставалась в высшей степени интеллигентной и интеллектуальной, толерантной и открытой познанию процессов в классическом балете Европы, современном танце США (к работам Кунингхема, Пины Бауш, японского танца буто и др.), к народному танцу других стран и собственных граждан.

Корни современных течений в канадской хореографии кроются в истории искусства Канады XX в., которая, прежде всего, тесно связана с активной иммиграцией из Европы и СССР, особенно в нач. XX в. и накануне Второй мировой войны, а также - с активной просветительской популяризацией достижений искусства танца, благодаря усилиям импресарио (канадца русского происхождения) Николаса Кудрявцева в организации гастролей прославленных коллективов из Советского Союза: «Ансамбля песни и пляски Советской Армии им. А. Александрова», «Березки», «Ансамбля народного танца Моисеева», балета Большого театра, балетные спектакли Парижского театра оперы и балета, призеров Лондонского балетного фестиваля, Ойстраха, Когана, Рихтера, Ростроповича. [1, с.23-27]

Это способствовало укреплению связей европейских канадцев со своей Родиной и единению материков, а в июне 1972 г. – к заключению первого двустороннего соглашения о сотрудничестве в области культуры между Канадой и СССР. [1, с.21-22]

Н. Кудрявцев вместе со своей супругой- балериной, организовали балетную студию, пользовавшуюся популярностью. Он также помогал и финансировал открытие балетных школ в больших городах Канады.

Знакомство и познание культуры и традиций многочисленных диаспор японцев, китайцев, индусов в последней трети XX в., когда каждый третий канадец был выходцем из стран Азии, послужили развитию *повествовательной современной хореографии* Канады и «хореографической драматургии» (Choreographic dramaturgy). [2, с. 30-33; 59-62]

Стоит напомнить, что правительство Канады объявило в 1971 г. о политике поддержки культурного наследия проживающих этносов в

Канаде. В акте о мультикультурализме, принятом в 1978 г., заложены основные принципы и цели законодательно оформленной мультикультурной политики государства. Такая политика предусматривает многообразие культур, которое отражает культурное и расовое многообразие канадского общества, признание свободы каждого гражданина Канады на сохранение, развитие и распространение своего культурного наследия; способствование признанию и уважению многообразия культур канадского общества. Правительство Малруни в 1988 г. приняло новый Закон о многокультурности, содержащий специальные положения, запрещающие расизм и дискриминацию и утверждавший культурную мозаику как основополагающую характеристику современного канадского общества. [3, с.11-155.]

По замечанию И.В. Жуковой, с конца 90-х XX в. в Канаде наблюдается уже не “этнокультурная мозаика”, а целостная, единая в многообразии канадская культура. [4, с. 18, 15,16] ... «Это тот результат, которого и добивались «официальные власти Канады, принимая разные программы и контролируя их реализацию, анализируя их результаты и вновь возникающие вопросы, требующие решения». [4, с.18]

В Канаде происходит активное формирование общеканадских традиций, которые могут быть востребованы будущими поколениями. Действуя сообща, канадцы бросают вызов мнению о «полярности большого Мира».[5, с. 254.]

2. Из истории формирования «хореографической драматургии» как основной черты искусства танца Канады

Творческая биография Брайэна Макдональда показывает, как драматургия балета с продуманным повествовательным сюжетом и выдержанными по времени актами становится художественным

произведением танцевального искусства, когда жизненная или сказочная история оживают в пластике артистов балета, которая выражается в разной языковой стилистике танца.

Брайэна Макдональда (Brian Macdonald, 1928 - 2014) считают одним из ярких балетмейстеров Канады. Начинал он как актер персонажей-детей на радио. Учился игре на фортепиано. В возрасте 17 лет в 1945 г., когда он увидел репетицию балета «Концерт Баррокко» Дж. Баланчина в своем родном г.Монреаль, Макдональд решил заниматься балетом серьезно, потому что у него появилась мечта стать хореографом.[6]

В 1951 г. его приняли танцовщиком в «Национальный балет Канады» (the National Ballet of Canada), где он стал признанным мастером и известным артистом балета. Но в 1953 г. он уволился из-за травмы руки. Хотя уже в 1956г. Макдональд создал свою труппу «Театр балета Монреаля» (the Montreal Theatre Ballet). Кроме того, он поставил в 1958 г. балет «Темнеет» («*The Darkling*») и в 1959 г. балет «*Les Whoops De Doo*» для труппы «Королевский балет Виннипега» (Royal Winnipeg Ballet). В 1963г. особенно критика хвалила балет «Время вне восприятия» («*Time Out of Mind*»), созданный им для труппы «Joffrey Ballet», а в 1966г. он создал первый балет из 2-х актов «*Rose Latulippe*», который стал первым многоактным балетом в Канаде, а CBC сняла его как полнометражный цветной фильм.[6]

Макдональд был главным балетмейстером в труппе «Королевского балета Швеции» (1964–1967), израильской труппе «Batsheva Dance Theatre» (1971–1972) и в испаноязычной канадской труппе «Les Grands Ballets Canadiens» (1974-1970).

Последней постановкой Макдональда был балет «Реквием», посвященный жертвам террористического нападения на Торговый

Центр в США 9 сентября 2011 г. Балет исполнили на месте печальных событий. Принят он был горячими овациями.

Макдональд много работал также для музыкальных театров Канады и ставил танцы для мюзиклов Бродвея, будучи одновременно главным балетмейстером ряда музыкальных трупп. Эту работу он начал еще в 1957 г., будучи студентом Университета «McGill University», поставив сатирический мюзикл «Моя прекрасная Леди», с которым труппа Макдональда дала более 400 спектаклей по всей Канаде. После этого он работал для Бродвея, а позже, в течение 17 лет, возглавлял ежегодный Шекспировский фестиваль в Канаде как художественный руководитель, режиссер и хореограф.

Он удостоен наград как лучший хореограф балетного театра и как лучший режиссер за новаторский подход в раскрытии сюжетной линии в постановке мюзиклов. Из многочисленных наград Б. Макдональда особенно нужно выделить, на мой взгляд, следующие: Орден почетного легиона Канады (1967, 2002); Золотая звезда на Международном конкурсе артистов балета в Париже за хореографию (1964, 1970); Призы за успехи и достижения в области танцевального и исполнительского искусства Канады (1988, 2001); Орден Генерал-губернатора Канады (чин, равный Министру культуры в европейских странах) за вклад в развитие исполнительских искусств Канады (2008); Юбилейная бриллиантовая медаль Королевы Елизаветы II (2008, 2012).

Брайэн Макдональд очень любил классическую музыку, особенно Моцарта и Шуберта. Он начал режиссировать оперы Моцарта в 1972 г., продолжил в 1979 г., а в 1990 г. поставил оперу «Мадам Батерфляй» Дж. Пуччини.

Работа в театре обогащала фантазию Макдональда и учила

сценическим театральным приемам, пониманию освоения пространства в музыкальном и драматическом театре в отличие от театра балета. Причем, Брайэн Макдональд изучал европейскую и восточную культуру, традиции которой он использовал в постановке своих спектаклей с учетом исторического времени действия, особенностей этнического поведения и этикета, отношения к свету и цвету.

Макдональд с развитием гражданского общества Канады обращал внимание на язык народного танца разных культур, тем более, что о праздниках этно-канадцев широко оповещали в средствах массовой информации конкретного города и провинции (административная единица «провинция» в Канаде = штату в США). Так что можно было воочию убедиться в особенностях народного танца конкретного народа.

К тому же уже опыт введения языка народного танца в классический балет был успешно опробован кубинским хореографом А. Алонсо в балете «Кармен-сюита», который был поставлен для Майи Плисецкой в апреле 1967 г. (Премьера в Большом театре в Москве состоялась в августе).

Классический балет для Б. Макдональда был отражением истории и героических прекрасных способностей конкретного народа, а также собственных возможностей в передаче эпического повествования о судьбах людей и стран.

Можно сказать, что Макдональд постоянно примерял драматургию жизни в сценической драматургии классического балета, танцах мюзиклов, драматического и оперного театра.

3. «Банф-центр искусств» и новые имена в современной хореографии Канады

Брайэн Макдональд был прекрасным педагогом. В 1982 г. он возглавил известный Банфф-центр (the Banff Centre), где осуществлялись летние программы обучения разным видам искусства, включая танцевальные программы. Он выделили две секции: одну - для любителей танца, вторую – для танцоров-профессионалов, которые работали над спектаклями самого Макдональда и Дж. Баланчина. Он возглавлял эти программы до 2001 г., пока не стал приглашенным хореографом–репетитором с 2001-2007 гг.

Из этой летней танцевальной программы выросла известная канадская хореограф и танцовщица Кристал Пайт (Crystal Pite, род в 1970 г.) Она начинала профессиональную карьеру в «Театре балета провинции Британская Колумбия» (Ballet British Columbia), в родном г. Виктория. В 1996 г. она присоединилась к балетной труппе немецкого г.Франкфурта, где она испытала интерес к творчеству Пины Бауш и современной хореографии. И уже в нач. 2001 г., вернувшись на Родину и поселившись в г.Ванкувер, она стала работать хореографом, выступая в дуэте с Кори Коулфилд (Cori Caulfield) и Ришаром Сигал (Richard Siegal).

При этом в том же 2001 г. ее назначили главным балетмейстером труппы «Джаз-балета Монреаля» (Les Ballets Jazz de Montréal). Её козырем в постановках до назначения была импровизация и использование фантазии танцовщиков с вкраплениями элементов японского современного танца буто и хип-хопа. Однако трехлетняя работа в этом коллективе заставила ее многому научиться и раскрыться. В этот период ее творчества и выступлений она воспринималась уже как глубокая и тонкая балерина и хореограф, поскольку музыка джаза и ее разные формы раздвинули перед ней горизонты романтизма и в то же время поэзии Шекспира, чьи произведения вдохновляли ее

улавливать связь времен через восприятие глубоких чувств и поступки людей.

В 2002 г. она создала и продюсировала детский коллектив, для которого она ставила отдельные номера и балеты. При этом она была приглашенным хореографом для ряда канадских балетных трупп, включая «Национальный балет Канады» (the National Ballet of Canada) в 2009 г., а также - в 2007 г. «Национальный театр танца Нидерландов» (the Netherlands Dans Theater).

С 2007-2010 гг. она ставила балеты во Франкфурте, выступая одновременно как балерина в дуэте с известными танцовщиками.

Она была в 2015 г. режиссером ежегодного спортивного крупного события «Панамериканские игры» (the 2015 Pan American Games), которые проводились с 7-26 июля 2015 г. в г.Торонто (провинция Онтарио).

Сейчас она по-прежнему выступает, теперь в дуэте с Джейм Тэйлором (Jay Gower Taylor) , проживая в г. Ванкувер.

Эмоциональность и яркость выражения хореографического повествования путем выверенной драматургии через разнообразный язык танца, неповторимость трактовки известных сюжетов, но поиск нового взгляда на историю жизни героев самого балетмейстера или кого-то из героев спектакля с учетом национального этикета поведения в быту и традиций исполнительского искусства народа, наряду с развернутой эпичностью стали важными характерными чертами всех видов танцевального искусства современной Канады.

Библиографический список

1. В кленовых красках сентября, М.: изд. РГГУ, 2003 – 168с.
2. Жукова И., Жукова А. Современная культура японской диаспоры в Канаде. – М.: изд. «Прометей» МПГУ, 2009. – 112с.
3. Этнокультурная мозаика Канады и проблемы канадской идентичности // Материалы междисциплинарного семинара. (РОИК), М.,2003. - С11-155.
4. Жукова И.В. Художественная культура современной Канады в контексте политики мультикультурализма (на примере этнопоэзии). (Дис....докт. культурологии) – М.: РГГУ. - 2005. С.18, 15,16.
5. Myrna Kostash. The Next Canada: In Search of the Future Nation // 2nd International Conference of Central European Canadianists. Proceedings. 26-28 October 2001. Bucharest, Romania, p.254.
6. Kelly, Deirdre Choreographer Brian Macdonald forever part of Canadian dance scene.// The Globe and Mail. - (2014-12-10).

Электронное научное издание

Языки и литература, театр и искусство

Сборник научных трудов
по материалам I Международной
научно-практической конференции

30 июня 2017 г.

По вопросам и замечаниям к изданию, а также предложениям к сотрудничеству
обращаться по электронной почте mail@scipro.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

ISBN 978-1-370-90704-5

9 781370 907045

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 5,1. Тираж 100 экз.

Издательство Индивидуальный
предприниматель Краснова Наталья
Александровна
Издательство Smashwords, Inc.